„Socialistitcheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix — 4 frs

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии

Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 6 (410)
18-й г. издания

Подписная плата для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год 100 фр., за ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр.; для С.А.С.Ш.: за год — 6 долл., за ½ г — 3 долл., за ¼ г. 1,50 долл.; для остальных стран: за годъ — 150 фр., за ½ г. — 75 фр., за ¼ г — 40 фр. За перем. адр. — 1 фр. Конт. и ред.: 11, Square Albin Cachot (141, r. Broca), Paris XIII. Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris
Прием по делам ред.: по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

31 Марта 1938 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Яблочко, куда катишься?

«Разгромив последние бастионы венских рабочих, тяжелая артиллерия майора Фея... смела последний барьеръ, отделявший еще Гитлера от власти в Австрии... Ослепленные лютой классовой ненавистью к «зазнавшимся рабочим» черно-желтые патриоты австрийской независимости разрушили тот единственный фундамент, на котором только и могла держаться независимая от Гитлера государственность: социалистический пролетариат Австрии.

Отныне натиск все растущего гитлеровского движения в Австрии становится непреодолимым... И тут не помогут никакие коллективные или разрозненные протесты великих держав...

Разгром австрийской социал демократии означает гитлеризацию Австрии и вместе с тем серьезное потрясение политической стабильности Чехословакии, превращающейся в окруженный с трех сторон остров. Победа гитлеризма в Австрии в необычайной степени усилит морально - политический и военно экономический потенциал гитлеровской диктатуры во всей Европе. Потрясенное до основания, ...здание европейского равновесия еще больше деформируется и покатится на бок».

Так писал наш орган в статье «После Вены» 25-го февраля 1934 года (№ 4 [313]). Наши пессимистические предвидения, основанные на учете фактически сложившегося соотношения сил, оправдались, к сожалению, даже в большей степени, чем этого можно было ожидать.

Не успел мир перевести дух после молниеносного удара Гитлера 12 марта, как Польша пред'явила свой ультиматум Литве: одинъ зубец колеса с механической неизбежностью цепляется за следующий... Капитуляция маленькой Литвы перед бронированным кулаком Польши, с одной стороны, и под влиянием «доброжелательных советов» великих держав, с другой стороны, поставила ее в положение аналогичное тому, в котором Австрия находилась после Бертехсгаденской капитуляции Шушнига. Судьба Литвы решена: она в той или иной форме послужит об'ектом взаимной компенсации между полу-фашистской Польшей и гитлеровской Германией. Будет-ли Литва под видом «унии» присоединена к Польше взамен польского коридора, отходящаго к Германии, или же будет найден какой-либо другой еще более хитроумный способ поглощения Литвы ее могущественными соседями, — факт тот, что Литва фактически перестает быть самостоятельным государством. Но вместе с ней решается и судьба всех остальных балтийских государств, неизбежно попадающих в орбиту польско-германского влияния. За одним зубцом следует другой... Судьба Австрии фактически предрешает судьбу Чехословакии. И если, может быть, расчленение и физическое уничтожение чехословацкой государственности и будет на некоторое время отсрочено, то вряд-ли приходится сомневаться в том, что она уже сейчас теряет фактически свою суверенность и свою морально-политическую независимость: спасая свое физическое существование, она вынуждена будет — и это с достаточной ясностью проявляется уже сейчас! — итти «добровольно» на целый ряд экономиче-

ских, политических и иных уступок и компромиссов, которые ее поставят в вассальное положение по отношению к могучему германскому соседу. Терроризируемая нависшей угрозой прямой военной интервенции со стороны Германии, удушаемая постепенно экономически удавными кольцами германской экспансии на Балканах и Венгрии, угрожаемая изнутри ирредентизмом судетских немцев и тяготеющих к Венгрии словаков, Чехословакия только еще номинально останется на карте Европы суверенным государством. Она уже и теперь не посмела дать убежища беженцам из Австрии, она уже и теперь вынуждена принимать «дружеские» советы Чемберлена по поводу уступок, которые ей придется сделать Гитлеру, — она чем дальше, тем больше будетъ превращаться въ тень самой себя, в живой призрак.

Но за чешским зубцом идет венгерский. Неимоверно выросший потенциал гитлеровского влияния в Центральной Европе не может остаться без влияния на внутреннее развитие Венгрии. Газеты полны сведений о необычайном обострении национал - социалистической пропаганды партии Салясси, об'являющей нынешнее правительство Даранья «правительством евреев», а графа Бетлена — эмиссаром Москвы. Однако полиция этого же правительства Даранья конфискует не грязные листки Салясси, а орган графа Бетлена, указывающий на опасности национал - социалистической пропаганды в Венгрии. Из Венгрии зубчатая передача идет прямым путем на Балканы. Югославия, Болгария, Румыния — вот ближайшие об'екты политического, экономического и коррупционного воздействия агентов Гитлера и Муссолини. Центральная, восточная, юго-восточная Европа, вся цепь государств от Адриатического до Балтийского моря, от Днестра и до Рейна грозит превратиться в единый блок, в систему послушных «спутников», вращающихся вокруг оси Рим-Берлин. Это сейчас уже не теоретическая только возможность, не произвольная конструкция расфантазировавшихся публицистов, — после 12-го марта и польского ультиматума это уже, к сожалению, и к несчастью для всего мира совершенно конкретная реальность.

***

Но если один конец оси Рим-Берлин упирается в Балтийское море, то ее второй конец сейчас с необычайной отчетливостью проступает на Пиренейском полуострове. В изобилии снабженный новейшим германским и итальянским военным материалом, поддерживаемый эскадрильями быстроходных бомбовозов, вылетающих «на работу» прямо из Италии и возвращающихся туда обратно после разрушения открытых городов и зверского истребления женщин и детей несчастной Испании, генерал Франко все с большим и с большим ожесточением и, к сожалению, со все возрастающим успехом ведет свое наступление против испанской республики. Несмотря на то, что политика невмешательства за последнее время и со стороны Франции не проводится больше с прежней строгостью, военное снаряжение барселонского правительства все же сильно отстает от неисчерпаемых рессурсов Франко, для которого широко открыты арсеналы Германии и Италии. Хорошо осведомленные газеты утверждают, что в ходе последних англо-итальянских переговоров, Муссолини заверил Чемберлена, что до конца апреля Барселона будет взята войсками испанских националистов. Хвастливые заверения Муссолини и Франко неоднократно уже опровергались жизнью за последние два года. Тем не менее было бы преступно закрывать глаза на то поистине трагическое положение, в котором сейчас находится республиканская Испания, истекающая кровью в борьбе против наймитов Гитлера и Муссолини. Но победа Франко в Испании означала бы распространение власти фашистского блока на все Средиземное море, на всю Южную Европу. Между Францией и ее африканскими колониями был бы забит фашистско-итальянский клин. Уже в значительной мере из'еденная фашистско-панарабской пропагандой, систематически и планомерно проводимой Италией в течение ряда лет, Северная Африка грозит превратиться в очаг политического и национального беспокойства. Авторитетные французские писатели уже сейчас указывают на то, что в случае войны Франции вместо того, чтобы получать подкрепления из Северной Африки, может быть придется посылать туда европейские войска для охраны своих колониальных владений от итало-германских покушений. А в печати все чаще и чаще попадаются сведения о тех тайных махинациях, которые германские агенты совершают в португальской пока еще колонии Анголе...

Динамизм фашистских государств все больше и все быстрее взрывает после-военную Европу. Изъ Европы он перебрасывается в Африку; через посредство Японии закладывает мину на Дальнем Востоке; через диктаторские государства латинской Америки придвигается все ближе к границам Сев.-Америк. Соед. Штатам.

Что могла бешеному наступлению фашистского блока противопоставить до сих пор вторая сторона? Так называемые «демократические государства» до сих пор ограничивались тактикой пассивного отступления. Один немецкий генерал назвал мировую войну с точки зрения германской тактики «войной упущенных возможностей». Нет сомнения, что эпоха после-военная, в особенности начиная с 1933 года, была для Франции и Англии — такой эпохой упущенных возможностей. Франция и Англия могли не допустить прихода или укрепления Гитлера у власти; они могли решительным вето в тот момент, когда гитлеризм только начинал свое дело возрождения германского империализма и был еще слишком слаб для сопротивления, приостановить или на долгое время задержать процесс воссоздания германской военной мощи; они могли, может быть, еще смелым выступлением в ответ на гитлеровское занятие демилитаризированной рейнской полосы заставить Гитлера отступить, нанести ему моральное поражение и обеспечить свое военное превосходство на Западѣ; они могли иной политикой в Австрии воспрепятствовать разгрому австрийской социал-демократии в 1934 г. и тем самым предотвратить 12-ое марта 1938 года; наконец, они могли еще, может быть, хотя уже со значительно меньшими шансами на успех, совместными усилиями Англии и Франции не допустить прямого захвата Вены гитлеровскими войсками, как могли они, с другой стороны, при действительно серьезном отношении к делу, не допустить захвата Абиссинии Италией или своевременными поставками оружия испанской республики дать возможность раздавить мятеж Франко в самом зародыше. Но с какой-то фатальной последовательностью и Франция и Англия упустили одну за другой все возможности приостановить триумфальное шествие фашизма и сохранить свой военный и политический престиж в Европе и во всем мире!

***

В этом роковом параличе тех двух великих держав, которые, несмотря ни на что, еще являются исторически, по сравнению с фашизмом, носителями прогресса и демократии, сочетались две различные социальные струи: с одной стороны, стихийный пацифизм широких рабочих и народных масс, сложившийся еще в период пацифизма и демократии между 1919 годом и великим мировым кризисом 1929-30 гг., и не успевший еще заметить, что за последние годы мир радикально пере-

менился вследствие победы фашизма в Германии; с другой стороны, — классовая близорукость и своекорыстие господствующих капиталистических слоев, которые ненависть к пролетариату и социализму доводит до прямой национальной измены, до готовности мириться с гегемонией Италии и Германии вопреки национальным интересам их стран.

Эта последняя тенденция особенно ярко проявляется в настоящий момент во Франции. Победа Гитлера в Австрии, угроза Чехословакии, давление фашистского блока на Малую Антанту, колебание Польши — все это ставит под прямой удар влияние и престиж Франции в Европе. Вся система французской дипломатии, все здание международных соглашений и связей, построенное Францией после войны, грозит рассыпаться как карточный домик. Франция перестает быть великой державой в Европе. Одновременно победа Франко является прямой угрозой и колониальной империи Франции. Естественно было бы ожидать, что перед лицом этой гигантской опасности прежде всего сплотятся для отпора врагу и для охраны международной мощи именно те классы, которые исторически и традиционно являются носителями идеи французской империи и французского великодержавия. Но по иронии судьбы как раз эти классы сейчас не имеют более срочной и важной задачи, как ...способствовать победе Муссолини в Испании и Гитлера в Центральной Европе! Капиталистическая реакция против Народного Фронта, 40-часовой рабочей недели, против коллективных договоров, против всех социальных завоеваний французского пролетариата в эпоху Блюма, настолько доминирует в душе французского буржуа и «патриота» над всеми другими соображениями и чувствами, что он теряет чувство реальности, он перестает видеть все, что делается на свете, и, в своей слепой и мелкой ярости, видит только одного врага — Леона Блюма, только одну опасность — Народный Фронт! Те самые слои и группы, которые чуть ли не своей монополией сделали нацию, национальные интересы, национальное единство, с ненавистью и презрением отталкивают протянутую им для истинного национального отпора против германо-итальянского фашизма руку организованных рабочих. Как «версальцы» 1871 года, они готовы национальный престиж и национальную честь продать иноземному завоевателю за возможность расправиться со своими зазнавшимися рабочими. Упорный отказ так наз. «оппозиции» войти в «правительство национального единения», их саботаж финансовых мероприятий правительства Блюма, предназначенных как раз для укрепления национальной обороны, с достаточной ясностью свидетельствует о том, что они лелеют какие-то другие, темные планы, направление которых разгадать нетрудно: Лавали и Фландены готовят концентрированную аттаку против французской демократии, чтобы сговориться с Гитлером и Муссолини. За чей счет этот сговор будет произведен — угадать нетрудно: по всему создавшемуся в Европе положению об'ектом и ценой этого соглашения может быть только Восточная Европа, или точнее Россия...

Вывести Францию из тупика, разбить планы французской реакции могло бы лишь смелое, решительное, ни перед чем не останавливающееся выступление демократической Франции на стороне республиканской Испании. Франция должна была бросить на чашку весов всю свою военную мощь, чтобы помочь республиканской Испании нанести Франко молниеносный и смертельный удар. Это сразу перевернуло бы в Европе соотношение сил. Это поставило бы Англию перед совершившимся фактом, с которым она вынуждена была бы считаться так же, как она считается с совершившимися фактами Гитлера и Муссолини (Недаром и Черчиль, находящийся в оппозиции к Чемберлену, во время своего последнего пребывания в Париже настоятельно советовал французам «проявить больше энергии» в Испании и Чехословакии!). Это подняло бы престиж французской демократии во всей Европе, приостановив консолидацию фашистского блока в Центральной и Южной Европе. Это, наконец, усилило бы позиции Народного Фронта внутри самой страны, разбив тем все темные планы и интриги реакционеров. Но решиться на такой шаг французская демократия, имея в тылу капиталистические классы, могла бы только в том случае, если-бы она могла хотя бы в какой либо мере опереться на активную, или хотя бы пассивную поддержку Англии.

Так европейская проблема упирается в проблему Англии.

В Англии у власти консервативное правительство, линия поведения которого определяется в немалой степени интересами лондонского Сити и английского капитала. Но в политике британского правительства, помимо элементов чисто-классовых, большую роль играют, конечно, и интересы Британской империи, в которых чисто европейские события занимают иное место и имеют иной удельный вес, чем в национальной политике Франции. Если Средиземное море и пути, ведущие через него в Индию, имеют для Англии очень крупное значение, то еще более важны для британского империализма проблемы тихо-океанские, дальне-восточные, интересы его доминионов в Австралии, в Южной Африке, Канаде. Недаром Чемберлен, прежде чем сформулировать свою последнюю речь в парламенте по вопросу о Чехословакии, имел предварительное совещание с представителями доминионов. Японско - китайские взаимоотношения, борьба между Японией и Северо - Американскими Штатами в Тихом океане, все усиливающиеся гигантским темпом морские и воздушные вооружения обоих титанов западного полушария и их позиция по отношению к Сов. Союзу, — все эти проблемы отодвигают сейчас для британской дипломатии, «привыкшей мыслить континентами», на задний план Европу с ее сравнительно мелкими заботами и опасностями. Англия готова какой-угодно ценой купить сейчас, хотя бы временный и непрочный, но мир в Европе, для того, чтобы иметь развязанные руки в Азии и Австралии. Гитлер и Муссолини это прекрасно понимают и учитывают... И в Риме усиленно готовят к 15 апреля новое итало-английское «джентельменское соглашение», — одним из основных пунктов которого явится, конечно, выдача республиканской Испании фашистскому блоку!

Английская Лейбор-партия за последнее время с чрезвычайной энергией борется за переориентацию внешней политики Англии, за более активную, и что гораздо важнее, за более демократическую политику Англии в Европе. Она ведет ожесточенную кампанию против узколобия консервативно капиталистических кругов, по классовым соображениям фактически способствующих победе Франко в ущерб правильно-понятым интересам не только европейской демократии, но и самой Англии и Франции, вне тесного союза которых не может быть спасения от ига гитлеризма и фашизма. Кампания Лейбор-партии уже увенчалась относительным успехом: знаменитая половинчатая декларация Чемберлена в Палате Общин не имела бы без давления общественного мнения страны, взбудораженного Рабочей Партией, и тех немногих положительных моментов, которые сейчас заставляют иных демократов считать ее «лучем света». Кампания эта встречает сочувственный отклик и вне Европы, в частности в Соед. Штатах, где тенденция активной внешней политики начинает брать верх над традиционным заскорузлым и

ограниченным «изоляционизмом». Но поспеет-ли еще поворот в Англии во время, чтобы спасти Испанию? Произойдет-ли возможная замена кабинета Чемберлена другим, более активным и демократическим, с участием Рабочей Партии, еще во время, чтобы суметь пойти в ногу с Францией Леона Блюма? Или снова повторится то роковое явление, которое уже не раз играло печальную роль в судьбах Европы, что сдвиг в Англии влево совпадает с поворотом французской политики вправо?

Яблочко, куда катишься?

Но если яблочко Европы покатится к фашизму, если европейские демократические страны не смогут преодолет своей пассивности и своей национальной ограниченности и дадут себя порознь околпачить и разбить блоку фашистских стран, если попытки создать какуюто систему коллективной безопасности окончательно уступят место лозунгу «спасайся, кто может», — то не ясно ли, что это об'ективно, по самому ходу вещей, по крайней мере, на первом этапе гибели Европы, будет означать » «свободные руки» для Гитлера в России, на Украине и т. д.? И не окажется-ли тогда Сов. Союз, совершенно независимо от его печальной *внутренней эволюции*, на которой мы здесь не можем останавливаться, уже в силу чисто-геополитических причин вынужденным искать соглашения с гитлеровской Германией на путях тяжелых экономических уступок и поддержки германского империализма в его борьбе против колониальных империй Франции и Англии? И не доживет ли мир до чудовищно-позорного положения, когда в передней гитлеровской виллы в Берхтесгадене, примостившись на кончик стула, будут смиренно ждать очереди просители из «первого социалистического государства в мире», явившиеся предлагать фюреру французские колонии, а рядом на другом стуле будут ждать всемилостивейшего приема посланцы «национального правительства» «единой и неразделььной» французской республики, приехавшие покупать «мир на 20 лет» для себя за счет рудников и угольных копей Донбасса?

Яблочко, куда катишься?

Последняя международная конференция Социалистического и Профессионального Интернационалов показала, что организованный социалистический пролетариат Европы отдает себе отчет в создавшейся трагической ситуации и полон решимости бороться до конца. Впервые за долгие годы рабочий класс Европы заговорил таким языком. Но вся решимость европейского социализма окажется втуне, вся его энергия борьбы повиснет в воздухе, если он не найдет созвучного отклика в Сов. Союзе, если страна, о ризах которой фашизм мечет жребий, попрежнему останется игрушкой кровавых садистов и полусумасшедших Неронов. Рабочий класс мира не сможет выполнить своей задачи в борьбе с фашизмом в этот трагический момент, когда мир начинает катиться в пропасть, если вырождающаяся русская революция будет нападать на него с тылу и собственными руками подрубать сук, на котором держится и она сама, и европейская демократия.

Ф. ДАН.

ТЕРРОР И КОНСТИТУЦИЯ

Террор невиданного доселе размаха, свирепости и гнусности и — «самая демократическая в мире» конституция... В идее, в теории, на словах — самое непримиримое противоречие. В действительности сталинской диктатуры — самое реальное и тесное «сосуществование»: в начале июня 1936 года был опубликован выработанный особою комиссиею проект новой конституции; в середине августа того-же года состоялся процесс Зиновьева-Каменева. И с тех пор обе эти «линии» бегут параллельно «в гору»: уже прошли всесоюзные выборы по новой конституции и отзаседала первая сессия всесоюзного Верховного Совета, уже готовятся выборы в отдельных республиках — Российской, Украинской и других и, вслед за выборами государственными, ставятся на очередь выборы в местные советы, в судебные органы и т. д.; а в то-же время все ускоряющимся темпом идут судебные и не-судебные убийства, все более широкие круги подпадают под топор всяческих репрессий и «чисток», в которых вычищаемые и чистильщики то и дело сменяют друг друга.

Этот параллелизм двух столь противоречивых «линий» не следует забывать. Не затем, конечно, чтобы «доказывать» столь азбучную истину, как несовместимость застеночного террора даже с не очень «совершенной» демократией. Кому надо еще ее доказывать? Неужели Сталин и все его Ежовы сами ее не понимают? Нет, не забывать об этом абсурдном параллелизме надо лишь затем, чтобы *политически* осмыслить его и сделать из него *политические* выводы. Но политически осмыслить это кричащее противоречие можно, лишь помня, что оно *не случайно*, что оно оказалось *законом существования сталинского единодержавия* на известной ступени его развития, что *оба полюса* противоречия являются исторической и политической *необходимостью* этого развития.

Не случайный каприз или зигзаг диктаторской мысли, а обстоятельства, о которых мы не раз уже имели случай говорить, заставили Сталина, обрубая *партийные* корни и *партийную* подконтрольность своей диктатуры, искать для нее санкции *всенародности*. Обстоятельства заставили его внушать «беспартийным», т. е. огромному большинству населения, что они такие-же «хозяева» советской земли, как «партийцы», так долго бывшие «избранным народом» этой земли. Обстоятельства заставили его попытаться прикрыть свое единодержавие демократическими и парламентскими формами. Быть может, блестящий успех гитлеровских операций с Веймарскою конституцией, в свое время тоже считавшейся «самым совершенным» образцом демократизма, побудил Сталина еще перещеголять германского фюрера по части демократического «совершенства». Но по сути дела новая, *«сталинская» конституция* явилась порождением тех независимых от воли диктатора обстоятельств, о которых мы только что говорили.

Но плодом тех-же обстоятельств явилось и немедленное, параллельное внедрение «демократии» *усиление террора* до степени какой-то безумной оргии. Ибо еще до вступления новой конституции в силу стало очевидно, что самое опубликование ее будит тенденции и энергии, которые неизбежно должны стать крайне опасными для того диктаторского единодержавия, ради укрепления которого была новая конституция придумана. Стало очевидно, что одно дело — диктатура Гитлера, находящаяся еще в стадии под'ема, по-

тому что, пусть в самых контр-революционных формах, но выполняющая кое-какие «общенациональные» исторические задачи, которые, по ряду причин, была не в силах разрешить революция и демократия (национальное об'единение Германии, преодоление партикуляризма, освобождение от оков Версальского договора и т. д.); и другое дело — диктатура Сталина, катящаяся под гору, потому что никаких прогрессивных задач уже не имеющая и всем «общенациональным» интересам Советского Союза резко противоречащая. Если в Германии тех средств давления, которыми располагает национал-социалистический аппарат, оказывается пока достаточно, чтобы и в формальных рамках демократии обеспечить Гитлеру «стопроцентную» победу, то в Советском Союзе с самого начала выяснилось, что и самый «тоталитарный» нажим не сможет гарантировать сталинское единовластие от тех опасностей, которыми грозит ему «игра в демократию». Пришлось все усиливающимся террором убивать только что возвещенную «демократию» даже в ее внешних формах, чтобы демократия не убила террора, которым держится и только и может держаться сталинское единодержавие.

Новая конституция должна была прикрыть сталинское единовластие всенародным, демократическим плащем. В действительности пришлось с самого начала открыто провозгласить, что сталинское самодержавие «остается, как встарь», как до всякой конституции. Это было сделано еще в процессе подготовки и проведения всесоюзных выборов, когда были отменены все «демократические» нормы новой конституции. Это было сделано еще более ясно и определенно в первой-же речи только что «избранного» главы правительства, Молотова, перед Верховным Советом. Молотов публично заявил, что новое, «конституционное» правительство будет так-же обращаться «за указаниями к ЦК большевистской партии и, прежде всего, к товарищу Сталину», как то делало и правительство «до-конституционное», и, чтобы ни у кого не могло уже оставаться никаких сомнений, цинично прибавил, якобы такой порядок «и по существу, и по форме (!) соответствует нашей великой конституции» ! («Пр.», 20 января).

Столь откровенное высказывание «того, что есть», лишает, конечно, новую конституцию всех тех обволакивающих и прикрывающих сталинское единодержавие свойств, ради которых она была введена и ради которых ей был придан внешний вид демократического «совершенства». И не это-ли «совершенство» признано ныне тем самым злостным «вредительством», о котором на процессах, конечно, ничего не говорят, но за которое Сталин в действительности и мстит «подведшим» его членам комиссии, выработавшей, под его-же председательством, новую конституцию (Радек, Бухарин, Рыков и др.)?

А между тем по-просту отменить новую конституцию уже нельзя, приходится, наоборот, все полнее вводить ее в действие. И, чем больше сам Сталин вынужден лишать эту конституцию полезных для его диктатуры сторон, тем больше грозит она обернуться к нему своими отрицательными сторонами, и тем беспощаднее и безостановочнее должен разить меч террора всех, кто мог бы попытаться использовать эти «отрицательные» стороны для организации массового напора на диктатуру, а в первую очередь (так как массовый напор может быть во всяком случае лишь делом будущего) всех, кто на верхах советского общества и в самом ближайшем окружении диктатора мог бы использовать «конституционные» противоречия, расшатывающие фундамент сталинского единодержавия, для того, чтобы совершенно не-конституционными средствами положить этому единодержавию конец.

Свирепый террор должен паническим страхом сковать всех возможных политических противников пережившего себя режима диктатуры и личных соперников

В. КРИВИЦКИЙ.

Из воспоминаний советского коммуниста *)

1. МАРТОВСКИЙ ПЛЕНУМ ЦК.

Март 1937 года. Пленум Центрального Комитета коммунистической партии. В стране и среди руководящих кадров царит угнетенность. Лица ответственных партийцев стали еще неподвижнее, еще серее. Все ждут событий. Никто не знает, в какую сторону пойдет развитие. Страшная тяжесть нависла над ленинской гвардией, над работниками партии периода гражданской войны и начала генеральной линии. Но нервы теряют и «оппортунисты», толкачи бюрократии, все эти новички, повылезшие из каких-то потайных щелей в момент, когда стало шатким положение людей, вынесших на своих плечах Октябрьскую революцию. Никто не знает, куда дует ветер, никто не знает, что на уме у «Хозяина»...

Неужели еще раз дан будет приказ повернуть курс громоздкого советского корабля? Неужели не наступит успокоения в умах и теперь, когда снят со своего поста Ягода, этот «карающий меч революции», вчерашний сподвижник Сталина? Сможет ли партийная машина хоть теперь начать работать без перебоев? Никто этого не знает, никто не доверяет ни себе, ни своему прошлому, ни своему будущему, ни своему настоящему.

Одетые страхом, непроницаемые сидят в большом четырехугольном зале 70 человек, готовые по первому знаку броситься друг на друга, терзать друг друга и себя самих, мастера, знающие все тайные входы и выходы в догматических лабиринтах кремлевской диалектики, мастера в изворотах оппортунистических дискуссий, революционеры, опустившиеся до роли жалких адвокатов самих себя, интригантствующие аппаратчики и конспираторы, марксисты, превратившие гордое здание науки в свалку псевдонаучных цитат и двусмысленных заверений.

Ягода еще сидит среди них. Всесильный начальник ГПУ, он сегодня только бессильный Наркомпочтель, преемник Рыкова, политический мертвец. Пустые места вокруг него красноречиво напоминают о коллегах, сидящих в тюрьмах.

Сталин кончил свою речь. Страх и азиатская хитрость притаились в каждой длинной, тщательно отделанной фразе его крепко сбитого доклада. В нем нашли предельное выражение вся сила и вся ужасающая близорукость его политики недоверия и административного зажима. «Идеологи» из ЦК хорошо поняли его. Директива дана: только что проведенная чистка недостаточна. Хозяин хочет новых процессов. В своем докладе он не только дал понять, что кандидатов на

---

*) **От редакции.** — Мы начинаем в настоящем номере печатание отрывков из воспоминаний, предоставленных в наше распоряжение т. Кривицким (Вальтером). Воспоминания эти представляют особый интерес, так как по своему высокому служебному положению в разведывательных органах Красной Армии, впоследствии переданных в ведение НКВД, т. Кривицкий имел возможность и случай заглядывать не только за кулисы Кремля, но и в кое-какие тайники ГПУ.

Считаем нужным напомнить читателю, что т. Кривицкий, с юных лет примкнувший к большевизму, остается, по основам своего мировоззрения, большевиком и после «бегства» своего от Сталина и — пока, по крайней мере, — еще не подверг свои большевистские взгляды систематической и радикальной ревизии. Таким образом не только фактическая сторона воспоминаний, но и встречающиеся в них политические оценки и суждения остаются целиком на ответственности автора.

диктатора. Но страх имеет особые свойства, отличающие его от тех наркотиков, которые в малых дозах вызывают возбуждение и лишь в больших успокоение и сон. Есть известная граница, переступая которую, усиление террора перестает действовать парализующим образом и, наоборот, рождает энергию: *энергию массового действия* у тех, кто ни идейно, ни эмоционально не отрывался от масс и тогда, когда все пути практического воздействия на массы были закрыты; *«переворотную»* энергию *отчаяния* у тех, кто внутренне уже оторвался от масс или никогда и не был связан с ними и кого безграничность террора доводит «до крайности», не оставляя другого выбора, кроме выбора между верною смертью и смертельным риском.

Вот почему то непримиримое противоречие между демократией и террором, которое стало законом существования сталинской диктатуры и само свидетельствует о ее исторической пережитости и обреченности, не может быть длительным состоянием режима и должно рано или поздно — и теперь уже скорее рано, чем поздно, — привести к *взрыву* сталинского единодержавия, взрыву *снизу* — напором массовой борьбы, или взрыву *сверху* — динамитом дворцовых переворотов. И вот почему ставить вопрос о путях и методах, которыми исторически может совершиться ликвидация сталинского единовластия и о своем отношении к этим путям и методам, о своем месте в процессе этой ликвидации, — не праздная игра ума для социалдемократии, как бы слаба организационно она сейчас ни была, а наиважнейшая задача ее на том новом этапе завершительного периода русской революции, который знаменуется одновременно и вступлением в силу новой конституции, и неслыханной вакханалией террора.

Что не от верхушечных бюрократических клик, не от дворцовых переворотов и военных заговоров может ждать социалдемократия той *демократизации советского режима*, как непременного условия *сохранения основных завоеваний революции*, которая составляет ее политическую и социальную программу, и что поэтому лишь на *массовое движение* может и должна она ставить свою ставку, — вряд-ли много найдется социалдемократов, у которых даже ужасные *морально-психологические переживания* «сталинской эпохи» могли настолько вытравить способность *социалдемократического* политического *мышления*, что они перестали понимать эту простую и очевидную истину.

Но, говоря о массовом движении, не следует оставлять места никаким двусмысленностям и недоразумениям. Речь может идти сейчас *не о революционном восстании* рабочих и крестьянских масс против сталинского единодержавия: лишенное всяких признаков организации, одушевленное лишь ненавистью к существующему, но не имеющее и зачатков ясной политической программы и потому неизбежно осужденное на погружение в разрешение местных и дробных задач и бессильное перед лицом задач общегосударственного и международного порядка, такое революционное восстание, если сталинский террор и доведет до него массы, будет неизбежно оседлано какою-либо разновидностью диктатуры. Мы видели даже в период высочайшего под'ема революции, как неорганизованность и политическая дезориентированность масс отдали эти массы, а вместе с ними и революцию, в плен сектантской террористической диктатуре «профессиональных революционеров» большевизма. Насколько-же неизбежнее оказался бы такой результат в завершительный период спада революции! Но с тою разницей, что большевистская диктатура начальнаго периода революции была во всяком случае диктатурой *революционной*, между тем как «анти-сталинская» диктатура завершительного периода революции будет

новые процессы каждый должен искать в своем собственном ближайшем окружении, он ясно намекнул и на то, что освобождающихся вакансий ждут не дождутся толпы «жаждущих выдвижения».

Ягода слушает, молчит. Вокруг уже просят слова. Сейчас посыпятся вопросы, обвинения. Ободряемые усмехающимися, чуть сощуренными глазами Сталина, снова занявшего свое место в президиуме, ораторы на перебой набрасываются на ближайшую жертву. Они засыпают Ягоду вопросами: каковы были его связи и отношения с Каменевым, Бухариным, Рыковым? Ягода молчит. «Что знал ты, Ягода, о Молчанове», вчера еще всесильном руководителе Специального Отдела ГПУ, на обязанности которого лежало очистить нашу любимую советскую страну от блуждающих огней оппозиции, от змеиного отродья троцкизма? «Не по твоим ли наущениям наполнял Молчанов концлагеря преданными коммунистами, оставляя на свободе презренных троцкистов?» Ведь только благодаря «товарищу Ежову, которого буквально за пять минут до рокового часа сам Сталин поставил во главе ГПУ, удалось вообще разоблачить Молчанова». Разве не Молчанов гноил в тюрьме преданного товарища, разоблачившего целое гнездо троцкистов, тогда как враги народа орудовали на свободе? Если бы этот товарищ не проявил чисто большевистской стойкости и революционного упорства и не добрался бы из концлагеря до самого Ежова, «троцкистские грызуны» и поныне бы продолжали свою подлую работу по разрушению нашего великолепного здания социалистического государства... Ягода молчит. Что может сказать мертвый?

Каменные маски людей продолжают извергать обвинения. В этих обвинениях нет ничего личного, нет даже презрения. За ледяными словами стоит только одно: **Сегодня мы еще живы.** Мы хотим жить. Что за беда, если для этого надо кромсать труп или надругаться над ним? Главное, чтобы мы были услышаны Сталиным ,чтобы он поверил в нашу преданность, чтобы мы могли жить дальше...

Непримиримее всех «кавказцы». Они — члены Сталин-Джугашвилиевского клана и диктатор ждет от них особого усердия. Все они почти набрасываются на молчащего Ягоду. С чудовищным спокойствием Ягода вдруг поворачивается. Приоткроет ли он крышку своего невидимого гроба? Станет-ли оправдываться? Возникнет-ли еще раз в этом зале дух прежних дискуссий, будут ли в этом «штабе мировой революции» вызваны в качестве свидетелей тени Маркса и Энгельса?

Ягода произносит всего лишь несколько слов, тихо, почти про себя:

«Жаль, что я не арестовал вас раньше, когда я это еще мог»... Это было все, что сказал павший «страж революции», старый большевик, друг Горького, соратник Сталина... Яростный, издевающийся шум всего пленума раздавил тихие слова Ягоды. И только в душах немногих, кто сумел за маской преданности генеральной линии, за тысячью сделок с ужасающей действительностью сохранить воспоминание о прежних дискуссиях старого, сильного ленинского Цека, — на мгновенье оживает и тут же гаснет эхо этого давно отзвучавшего прошлого.

Только на одно мгновенье возникает это прошлое, трепетом скользит по лицам. Это момент, когда в зал вводят в сопровождении чиновников ГПУ Бухарина и Рыкова, членов ленинского Политбюро... Бухарин и Рыков... Один — бывший председатель Коминтерна, член Коммунистической академии и выдающийся теоретик партии. второй — бывший председатель Совета Народных Комиссаров. Бледные, физически и нервно истощенные, в поношенных костюмах занимают они места в пленуме представителей «веселой и зажиточной сталинской жизни». Смущенно отодвигаются от них хорошо одетые, сытые коллеги. Что может быть общего у этих носителей «счастливой жизни» со сломленными борцами революции? С изумлением поглядывают они в президиум: Зачем понадобилась «Хозяину» эта парламентская комедия?

Со слезами на глазах встает Бухарин перед товарищами по ЦК, прерывающимся голосом заверяет их, что никогда не принимал участия ни в каком заговоре против Сталина, решительно отвергает самое подозрение. Он плачет, умоляет. Товарищи высокомерно молчат, выжидая. Сталин неумолим: «Это не защита революционера, — прерывает он Бухарина, — ты должен привести доказательства, а это ты сможешь сделать и в тюрьме». Пленум получил указание. Лю-

с самого начала диктатурой контр-революционной, какими бы благими намерениями ни задавались ее творцы и носители.

Нет, говоря о массовом движении, как рычаге, способном ликвидировать сталинское единодержавие не в пользу другой разновидности контр-революционной диктатуры, а в пользу подлинной демократизации режима, надо иметь в виду систематическое наростание массового и, прежде всего, рабочего движения, все более организующегося и приходящего к все более отчетливому сознанию стоящих перед ним политических задач. Только такое движение может предотвратить контр революционное завершение революции, только оно может закончить ее демократизацией созданного ею режимиа.

Есть-ли исторические возможности возникновения и развития такого движения в Советском Союзе? Или, говоря конкретнее и определеннее: если сталинский террор запугивает и связывает массы, то сталинская конституция — может-ли она дать массам в тех идеях, которые она бросает, и в тех учреждениях, которые она создает, опорные точки для развития своего политического сознания и своей организованности, а тем самым и для преодоления того паралича, в который стремится ввергнуть их террор?

Идеи усваиваются массами, поскольку соответствуют условиям их бытия, формирующего их сознание, и становятся силой, поскольку массами овладевают. И вряд-ли нужно доказывать, что собственный и международный опыт последних лет создал и продолжает создавать в советских трудящихся массах известную почву для восприятия идей народного суверенитета, свободы человеческой личности, демократии. Но история делается в конце концов массами, а не «героями» добродетели или злодейства, которые могут на известный отрезок времени стать орудиями исторического процесса, наложить на его ход печать своей индивидуальности и сделаться в известных пределах самостоятельным фактором в борьбе общественных сил, но «творческая» роль которых заранее заключена в довольно узкие рамки и которые во всяком случае не могут менять по произволу самое направление общественного развития.

Поэтому, как ни важен вопрос, чего собственно «хотел» или «хочет» Сталин, бросая в массы демократические идеи и лозунги и создавая демократические по форме учреждения, гораздо важнее другой вопрос: что захотят и смогут сделать массы с этими идеями и учреждениями? Сталин хочет превратить их в декорацию и опору своего единодержавия, и мы видели, как плохо это ему удается. Захотят и смогут-ли трудящиеся массы превратить их в рычаги своей борьбы за всестороннюю демократизацию советского режима, ликвидирующую сталинское единодержавие? Сталинская конституция ввела в обиход советской жизни сотни тысяч избирательных процедур, усеяла советскую землю десятками тысяч избирательных бюро, в которых до ста миллионов советских граждан должны будут отныне выбирать своих общегосударственных, республиканских, областных, краевых, местных представителей, своих судебных и иных деятелей. Каждую из этих избирательных процедур Сталин хочет превратить в плебисцитарное закрепление своего единодержавия, каждое из этих избирательных бюро в бастион своей диктатуры. Смогут-ли трудящиеся массы, наоборот, превратить каждую из этих процедур в акт все усиливающейся противодействия сталинскому единодержавию и каждое из этих бюро в плацдарм своего наступления на режим диктатуры и террора и своего собственного политического и организационного роста?

Будущее даст ответ на этот роковой для ближайших судеб революции вопрос, — роковой потому, что никаких других реальных путей политического и

ди срываются с мест: «Расстрелять предателя! Назад в тюрьму!» — кричат они и крики переходят в неистовые рукоплескания Сталину в то время, когда Бухарин и Рыков, сломленные, плачущие, в сопровождении полицейских в блестящей военной форме направляются к выходу, чтобы вернуться в тюрьму.

Возобновляется прежняя каррикатура на дискуссию. Около стола президиума бегает взад и вперед Ежов. Один за другим подымаются ораторы, состязаясь друг с другом в обвинениях. Дискуссия продолжается и во время перерывов, у буфета. Изредка доносится голос Ежова: «Поди, послушай, что на самом деле думает Варейкис или Шеболдаев?» — Приказ выполняется тут-же: в группу спорящих незаметно втирается в целях собирания нужной информации одна из креатур Ежова.

Вот стоят Эйхе, Варейкис и Шеболдаев, нападая друг на друга, угрожая друг другу арестом. Преимущество на стороне Эйхе, секретаря Западно-Сибирского областного комитета партии (сегодня он — народный комиссар земледелия, а Варейкис, секретарь Дальне-восточного Обкома и Шеболдаев — железный организатор коллективизации на Северном Кавказе — расстреляны, как и многие другие).

Не все члены Пленума участвуют в этой оргии клеветы и травли. То у одного, то у другого имеются еще сомнения, они страшатся перспектив этого разнузданного террора. Но они робки, бессильны и на учете. Ежовская система слежки и коррупции сумеет их выловить, сломить. Да и как пойдут они против итечения, когда полицейский террор называется **«Политикой нашей эпохи»**, когда только что с трибуны пленума Сталин дал основную установку для всей политики ближайшего периода: беспощадная борьба со всей и всяческой оппозицией, т. е. аресты и расстрелы?..

2. ЕЖОВ НА АКТИВЕ ГПУ.

Итак, пленум ЦК ВКП дал директиву: Террор. Не проходит ночи без массовых обысков, арестов. От 60 до 70% руководящих кадров всех хозяйственных учреждений, научных институтов, заводов, колхозов об'явлены «контр-революционерами» и «троцкистами», «агентами гестапо», «врагами народа», «вредителями», «змеиным отродьем» и «бешеными собаками». Партийцы в панике: не лучше ли во избежание худшего об'явить «вредителем» себя самого? Самые ловкие и прожженные карьеристы теряют голову. Страна охвачена эпидемией унизительных признаний и доносов. Сегодня — агент, завтра — жертва, так уж лучше сегодня, чем завтра. Если конец, — так скорей. Никто не смеет спросить о судьбе арестованных, никто не получает, да и не ждет писем. По слухам Ягода еще не арестован. Но это вопрос дней, если не часов. Ближайшие сотрудники Ягоды и почти все начальники отделов ГПУ, за исключением одного, уже арестованы. Удар занесен над верхушкой ГПУ.

В этой атмосфере ужаса и звериного страха проходят собрания партийцев-активистов, которые обычно созываются после каждого пленума ЦК с целью информирования о директивах пленума. В этой атмосфере созвано в клубе ГПУ собрание ответственных партийцев ГУГБ (Главное Управление Государственной Безопасности) НКВД.

Большое помещение клуба набито битком: поседевшие в боях чекисты, комиссары государственной безопасности, заведующие отделами собрались здесь выслушать Ежова. Сегодня впервые после своего назначения народным комиссаром НКВД Ежов выступит с докладом.

Новый глава ГПУ относится к своей задаче серьезно. У Ежова сегодня большой день: Сталину и стране он должен доказать свою необходимость. Разве не было ГПУ «стальным мечом партии»? У него, Ежова, много заслуг: секретарь оргбюро ЦК, он самим Сталиным назначен сюда в ГПУ. В бытность свою секретарем оргбюро, он сумел навести порядок в партии, выловить всех шатающихся, обезопасить партию от всех еретиков, сумел устроить так, что часы в Кремле бьют одновременно с часами самой удаленной, захолустной ячейки? Будьте покойны! Он вернет ГПУ его былую славу, он снова сделает ГПУ «стальным мечом», если не пролетарской революции, то бюрократической деспотии своего «Хозяина»!

Ежов готовится к прыжку. Идя в фарватере сталинской полицейской речи на пленуме, он разоблачает работу Ягоды

организационного сплочения трудящихся масс, а, следовательно, и демократического завершения революции, советская действительность не дает. Но этот путь — реален в том, единственно возможном, смысле, что в идеях и учреждениях новой конституции советская действительность и впрямь дает точки приложения энергии тех демократов-социалистов, которые хотят работать над политическим и организационным возрождением рабочего движения в Советском Союзе и над разрешением раздирающего сталинское единодержавие конфликта между террором и демократией в пользу демократии.

Увенчается-ли эта работа успехом или нет, — об этом гадать опять-таки бесполезно: заранее предсказать ни ее исхода, ни даже ее возможного размаха никто не может. Но, чтобы вложить в нее все свои силы, демократам-социалистам Советского Союза надо твердо помнить лишь одно: непосредственная ценность новой конституции с точки зрения не контрреволюционного, а демократического разрешения политического кризиса, потрясающего ныне сталинское единодержавие, равна нулю. Но конституция эта может стать с этой точки зрения силой огромной и решающей, если трудящиеся массы начнут борьбу за овладение теми позициями, которые она дает им на бумаге, и в этой борьбе одержат победу. Здесь на 21-ом году большевистской революции — ключ к той демократизации созданного ею режима, которую российская социалдемократия написала на своем знамени еще в ее начальный период...

П. ГАРВИ.

Эпилог и уроки московского процесса

Заключительный акт московской трагедии был разыгран с банальной последовательностью установившегося ритуала: обвинительная речь Вышинского, «последние слова» подсудимых, заготовленный приговор суда, отклонение Президиумом Верховного Совета коллективной просьбы осужденных о помиловании и — короткая заметка в газетах о приведении приговора в исполнение, потонувшая в море звериных резолюций рабочих и колхозников, ученых и артистов, черноморских моряков и героев дрейфующей льдины с одобрением «справедливого приговора советского суда».

Ничего нового ни пространная обвинительная речь Вышинского, ни краткие «последние слова» подсудимых, вернее, обреченных, не дали. Развязка судебной трагикомедии прошла гладко*). Вышинский, с фальшивым пафосом вчерашнего ренегата и завтрашнего тушинского «перелета», в последний раз обличал и мазал дегтем клеветы сидевших на скамье подсудимых ближайших соратников Ленина — Бухарина, Рыкова, Крестинского и Раковского — и вчерашних исполнителей воли Сталина — Ягоду, Гринько, Чернова и др.

Об инквизиционном характере московских «процессов ведьм», построенных, как в средние века, на выну-

*) Во всяком случае глаже, чем судебное следствие, во время которого отдельные подсудимые, то ли напрягая последние остатки скованной воли, то ли — что всего вернее — повинуясь ремаркам ежовской партитуры, пытались еще что-то отрицать и что-то поправлять.

и его соратников в ГПУ. Руководящие кадры ГПУ потеряли доверие Сталина. Работники из оргбюро и секретариата ЦК, преданные, проверенные люди железной метлой выметутъ презренных ставленников Ягоды.

В задачу Ежова вовсе не входит доказывать ошибки Ягоды. Был бы Ягода честный, железный большевик, как могли бы под руководством гениального Сталина возникнуть у него ошибки? Корень ошибок Ягоды зарыт глубоко.. .Собрание затаило дыхание, чувствуя, что настала решительная минута.

Да, этот корень в прошлом Ягоды. Ягода, старый сподвижник Дзержинского, с 1907 года служил, оказывается, в царской охранке. Но этого одного недостаточно: кто раз протянул палец охранке, у того гестапо забирает всю руку. Сейчас же после революции, — заявляет Ежов, — немцы раскусили подлинную натуру Ягоды и взяли его к себе на службу. «В течение всей революции, — говорит Ежов, — Ягода находился в качестве шпиона в распоряжении немцев».

Оцепеневшим от ужаса ответственным работникам ГПУ Ежов заявляет, что его предшественник насажал своих шпионов на всех ответственных местах и что ставленниики Ягоды «сознательно» помогали ему в его шпионской работе. Да, да, ответственные руководители отделов — Молчанов, Горб, Гай, Паукер, Волович — все они были шпионами.

С каменными лицами сидят еще не арестованные ответственные работники актива. Вокруг них возникает пустота.

...Ежов продолжает: Волович, помощник Паукера, назначил одного инженера, ныне разоблаченного в качестве немецкого шпиона, заведующим тайной автоматической телефонной станции правительства. Разве не таким способом стали известны немцам все разговоры, которые вели между собой Сталин и Молотов, разве не через него стали известны немцам все планы нашего правительства?

Но и этого еще мало: мало их низости, предательства, коррупции. Все эти люди еще годами обкрадывали советское государство.

Ежов докажет, что Ягода и его ставленники были самыми обыкновенными ворами. Докажет так, что ни у кого не останется на этот счет никаких сомнений.

«Разве Ягода не назначил заведующим отделом строительства ГПУ Лурье? (Лурье уже был арестован!). А этот самый Лурье был связующим звеном Ягоды с заграничной шпионской организацией. Заграницу они оба сплавили большие суммы. В течение многих лет Ягода с Лурье обманывали страну и партию. Они строили дома, проводили дороги, которые стоили больше, чем строительство всех остальных советских организаций. При этом они сумели так поставить дело, что их денежные требования к комиссариату финансов были самыми маленькими. Каким же образом, товарищи, покрывали эти прохвосты разницу? Каким образом, спрашиваю я вас?

Ежов окидывает быстрым взглядом свою притаившуюся аудиторию и говорит:

«Очень просто. Бюджет Наркомвнудела не подлежит контролю. Из не подлежащего контролю бюджета своего собственного учреждения и покрывал Ягода дефицит, получавшийся в результате его «дешевого» строительства домов и путей сообщения. Он пользовался средствами, предназначенными совсем для других целей.

«А зачем строили Ягода и Лурье дома, зачем проводили дороги? Они это делали в погоне за популярностью, в погоне за славой и орденами». Но разве предатель может удовольствоваться этим? Зачем нужна была Ягоде популярность? — Она ему была нужна потому, что он на самом деле преследовал политику Фушэ».

Кто был Фушэ? Что знали разложившиеся, в конец деморализованные бюрократы 1937 года о министре полиции императора Наполеона?

«Это очень серьезный вопрос, товарищи! Партия должна была в течение всех этих лет неукоснительно следить за тем, чтобы на советской территории не возник фушизм. Это совсем не так просто».

«Да, товарищи, я должен вам сказать, и каждый из вас должен это твердо усвоить: даже Феликс Эдмундович Дзержинский имел свои колебания в 1925-27 гг. И он иногда проводил колеблющуюся политику».

Ежов подходит к концу своего доклада. Нужна чистка, чистка, и еще раз чистка. Он, Ежов, не будет знать ни со-

жденных «признаниях» подсудимых, писал уже после процесса Зиновьева-Каменева Фриц Адлер. Напомним, что ровно 100 лет тому назад Пушкин, характеризуя пыточную юстицию, дожившую до времен Павла І-го (и воскрешенную ныне Сталиным), писалъ:

«Думали, что собственное признание преступника необходимо было для его полного обличения, — мысль не только неосновательная, но даже и совершенно противная здравому юридическому смыслу: ибо если отрицание подсудимого не приемлется в доказательство его невиновности, **то признание его и того менее должно быть доказательством его виновности»** («Капитанская дочка»).

Но в том то и дело, что Ульрихов суд руководствовался не «здравым юридическим смыслом», а неотменным приказом Сталина. Не суд нуждался в «признаниях» подсудимых, — нуждался в них Сталин для оправдания своей кровавой расправы с одним из последних отрядов старой гвардии большевизма и для обесчещения всех без разбора революционных и социалистических партий — от левых с.-р. до меньшевиков.

Вот почему и «последние слова» подсудимых носили характер кратких резюме сделанных ими на следствии и на суде «признаний» и взаимных оговоров — по уговору с прокурором. Больше того: подсудимые и в последнюю минуту продолжали соревноваться в праве на бесчестье, подыскивать себе отягчающие вину обстоятельства (Гринько), оговаривать ближайших друзей (Рыков — Бухарина). Перед лицом смерти, одной только смерти, так не говорят, так не ведут себя на политических процессах ни революционеры, ни контрреволюционеры. После каких же пыток — физических или моральных — и перед какими же новыми, предсмертными пытками эти люди, в большинстве старые революционеры, продолжали и в последнюю минуту изрыгать хулу на себя? Никто из них не встал, не крикнул в зал, на весь мир, правду о судебной комедии, не вступился — не за себя, не за свою честь ,а за поруганную русскую революцию, за оклеветанную собственную партию. Почему?

Очень распространено, особенно в левых кругах заграницей, политико - психологическое об'яснение поведения подсудимых на московских процессах. Большевики, настоящие большевики, это люди особой психики, это солдаты революции, отрекшиеся раз и навсегда от собственной воли и без остатка подчинившиеся коллективной воле партии. В интересах революции, как их понимает наличное партийное руководство, и по его требованию большевики обязаны пожертвовать не только жизнью, но и честью — своей и чужой. При таком об'яснении, величайшее самоунижение и самооклеветание посаженных на скамью подсудимых большевиков приобретает характер героического, почти сверхчеловеческого самопожертвования.

Но это об'яснение является явной натяжкой. Во-первых, ту же систему «признаний» мы видели на процессах беспартийных «вредителей» и бывших меньшевиков, да и на последнем московском процессе беспартийные врачи Левин, проф. Плетнев и др. в своем поведении ничем не отличались от бывших членов ленинского Политбюро. Во-вторых, — и это главное — революционер в интересах революции может и должен жертвовать жизнью, но не вправе жертвовать честью. Морально-политический капитал революционной и социалистической партии неотделим от чести отдельных ее членов. Нет таких интересов революции и социализма, во имя которых революционеры и социалисты на суде обязаны были бы возводить на себя и друг на друга обвинение в измене родине, революции и социализму и чернить свое революционное прошлое. Нет таких «высших» интересов революции, социализма и пролетарского отечества, для защиты которых Зиновьев и Каменев, Смирнов и Пятаков, Томский и Муралов, Рыков и Бухарин, Крестинский и Розенгольц

мнений, ни колебаний. Ленин умер. Умер и поляк Дзержинский, этот аскет революции, первый глава Чека, реорганизатор промышленности и путей сообщения, которого с болью и преклонением проводила некогда до могилы вся партия. Ежову легче, чем Дзержинскому. Разве сознание правильности намеченного большевистского пути, до которого дошел Дзержинский в мучительнейших размышлениях и бурных дискуссиях, не заменено сейчас слепой всеподданнейшей верой в гениальную стратегию «Хозяина»?

Ежов кончает доклад. Усердный полицейский Сталина, он попал в точку: если можно сомневаться в Дзержинском, то что после этого значат репутации самых старых, самых испытанных чекистов?

Бледные и непроницаемые сидят намеченные жертвы расправы, старые члены коллегии ГПУ, большевики первого призыва революции. Они ...аплодируют Ежову. Аплодируют так, как если бы сказанное вовсе не касалось их ,не было осиновым колом в их собственную могилу. Аплодируют, чтобы демонстрировать свою преданность. Кто знает, может быть «стихийное» покаяние спасет их еще от нагана в затылок? Кто знает, может быть выдачей ближайших товарищей они еще раз купят право на жизнь?

Собрание продолжается. Слова просит Артузов. Руссифицированный итальянский швейцарец, большевик с 1914 года, натура богемы. При Ягоде он был членом коллегии ГПУ. Когда в 1934 году Сталин заигрывал с ГПУ против армии, Артузов, тогда руководитель иностранного отдела ГПУ, был назначен заместителем начальника IV отдела генерального штаба. С тех пор Артузов испытал многое; он знавал милость и гнев своего патрона, он то шел в гору, то впадал в опалу. В 1933 году он был тем единственным, кто осмелился разоблачить господствовавшие тогда иллюзии относительно польско-советского сближения. «Вы дезориентируете Политбюро», — оборвал его тогда сам «Хозяин», и фраза эта шепотом загуляла по всем высшим учреждениям. Дальнейший ход событий оправдал Артузова, и авторитет его вновь вырос. Но вот пришел Ежов и снял его со всеми его сотрудниками из штаба, дав ему незначительное место в Наркомвнуделе.

Артузов знает, что стоит на карте. Ему остался только один ход. Старый чекист с колоритным обликом художника он явно волнуется. Седая бородка дрожит, страх сжимает горло.

«Товарищи, говорит Артузов, в самое тяжелое для революции время Ленин поставил во главе Чека лучшего из лучших большевиков: Феликса Эдмундовича Дзержинского. Во второй раз в истории русской революции, в тягчайший момент наш великий Сталин назначил руководителем НКВД своего лучшего ученика — Ежова. Товарищи, мы, большевики, научились быть неумолимыми не только к нашим врагам, но и к самим себе! Да, Ягода действительно хотел сыграть у нас роль Фушэ. Ягода хотел натравить ГПУ против партии. Благодаря своей слепоте мы косвенно участвовали в этом тяжком преступлении»... Голос Артузова крепчает, делается увереннее.

«В 1930 году, товарищи, когда партия, помимо нас и, значит, против нашей воли, все-таки разобралась в тенденциях развития, и для пресечения их делегировала в ГПУ старого, проверенного большевика Акулова, — что сделали мы со своей стороны, чтобы облегчить Акулову выполнение возложенной на него задачи? Мы встретили Акулова в штыки! С первого дня его появления в ГПУ Ягода делал все, чтобы затруднить работу Акулова в ГПУ. А мы, товарищи, эту саботажную работу Ягоды не только поддерживали, мы пошли еще дальше. Я должен это сказать: вся партийная организация ГПУ была поставлена на службу этого саботажа Акулова...»

Прямо стоит Артузов, взгляд его нервно ловит признаки хотя бы тени удовлетворения в маленьком, угловатом лице Ежова. Он знает, сейчас он должен перейти в наступление, чтобы отвести от себя подозрение.

«Я спрашиваю вас, кто стоял во главе партийной организации НКВД в те времена? — Слуцкий!

«Слуцкий вместе с Ягодой, первый — по партийной линии, второй — опираясь на мощь бюрократического аппарата — сделали все, чтобы помешать Акулову в выполнении задачи, возложенной на него самим Сталиным».

должны умирать, как «изобличенные», «сознавшиеся» и «покаявшиеся» фашисты, диверсанты, шпионы, отравители рабочих и т. п.

Нет, не «диалектикой» искусных следователей и не игрой на «партпсихологии» заключенных довели и на последнем процессе старых вождей большевизма до чудовищных «признаний» и оговоров, а средствами давления, секрета которых мы, правда, не знаем, но действительность которых доказана на суде поведением их изобретателя, Ягоды: уж его то не поймали бы на удочку партпсихологии и лубянской диалектики! И разве не показательно, что, только попав в застенок, что на Лубянке, старые революционеры, прошедшие через царские узилища, приходят в состояние внезапного прозрения и раскаяния и вступают на роковой путь признаний и оговоров?..

Нет чести революции вне чести революционеров. И нет революции без персонала революции. Не может революция держаться на «честном слове» одного Сталина, вырезавшего почти без остатка и оклеветавшего без разбора руководящие кадры революции на всех этапах ее развития *). И нет того государственного резона,— если только это не резон контр-революции, — который мог бы об'яснить и оправдать это истребление и опорочение основных кадров революции.

Последний московский процесс ясно показал одно: нисхождение революции по ступеням лубянского подвала продолжается. Политико-психологический и юридический анализ этого процесса, как и прежних, имеет, конечно, известное значение: он может облегчить разоблачение подлого метода судебных инсценировок, которым пользуется «самовластительный злодей» — помесь Чингисхана с Верховенским — в борьбе со своими действительными или возможными соперниками и противниками. Но, в конце концов, при более тщательной подготовке процессов и обработке подсудимых можно было бы избежать «неувязок» в показаниях, в датах, в указаниях мест и лиц — всех этих конфузов с небывалым полетом Пятакова в Осло, с несуществующей гостинницей «Бристоль» в Копенгагене, с Кибриком, никогда не покидавшим России и умудрившимся однако свести сталинского наркомзема Чернова с Даном в Кенигштейне и в Берлине и т. п. Разве изменилось бы тогда политическое значение процессов? Нисколько! Затруднилось бы только разоблачение судебных «фальшивок» Сталина, Ежова, Вышинского.

Политическое значение последнего процесса в окончательном саморазоблачении сталинского режима, явно вступающего в полосу контр-революции. Сталин обрубает последние канаты, связывающие его режим с октябрьской революцией и с революцией вообще. Он бесстыдно «пришивает» Бухарину, Троцкому, Рыкову, Крестинскому и другим измену родине, революции и социализму еще с 1921 г. и даже с 1918 г., т. е. с начала октябрьской революции. Это, конечно, не бред сумасшедшего, а расчитанная клевета могильщика революции. Но верно то, что с Октября надо считать коллективное историческое преступление, которое совершили все вожди, все фракции, вся партия большевиков, вступив на путь утопического экспериментаторства в отсталой крестьянской стране и во имя утопии немедленного социализма водрузив знамя гражданской войны, диктатуры меньшинства, партийной монополии, подавления рабочей самодеятельности, беспощадного террора. Узурпировав революцию, большевизм сам стал жертвой безсовестного узурпатора, выросшего из его рядов и воспитанного теорией ленинизма и практикой террористической диктатуры. Политическое преступление, в котором действительно повинны лично Рыков и Бухарин, это содействие восхождению Сталина после смерти Ленина.

На судьбе большевизма оправдалось пророческое замечание Энгельса о величайшем несчастии для революционной партии, заключающемся в преждевременном захвате власти при отсутствии об'ективных предпосылок для осуществления ее целей. На судьбе большевизма оправдалось и пророческое предостережение отца

*) Вышинский походя клеймил на суде подсудимых **Иудами-предателями.** Но ведь из 12-ти апостолов Христа лишь **один** оказался предателем, а у Ленина, если верить Вышинскому, **все его апостолы оказались Иудами, кроме одного** — праведного Иосифа. Допустить эту несуразность, значит признать, что за все время большевистской революции **все** решения Политбюро и ЦК партии, как и ее областных и национальных центров, **все** повороты во внутренней и во внешней политике советского правительства, **все** хозяйственные планы принимались под диктовку вражеских разведок, направлявших даже «карающий меч революции», врученный Сталиным Ягоде, как и военное и политическое руководство Красной Армии, врученное Лениным Троцкому, а Сталиным Тухачевскому и Гамарнику.

Бомба разорвалась. Артузов кончает, вознося хвалу Ежову.

Слова просит Слуцкий, руководитель иностранного отдела, преемник Артузова. И он старый, во всех водах мытый большевик. И он знает, что стоит на карте. Сумеет ли, скептический и раздумчивый Слуцкий парировать удар темпераментного Артузова?

Начинает Слуцкий плохо: Артузов изобразил меня так, будто я был ближайшим соратником Ягоды. Я отвечаю, товарищи: конечно, я был секретарем партийной организации ГПУ, но разве я, а не Артузов, был членом коллегии ГПУ? Я спрашиваю вас, мог-ли кто-нибудь в те времена быть членом коллегии ГПУ, не имея на это полного доверия и согласия Ягоды?»

«Артузов утверждает, что своей хорошей работой в качестве секретаря партийной организации ГПУ на службе Ягоды и в награду за саботаж Акулова я добился у Ягоды заграничной командировки. Эту командировку, по словам Артузова, я использовал для того, чтобы создать связь между шпионской организацией Ягоды и его заграничными хозяевами. Я же утверждаю, что моя командировка заграницу последовала в результате настойчивого желания самого Артузова, который в течение ряда лет находился в самых дружественных отношениях с Ягодой».

Теперь Слуцкий заносит свой главный удар:

«Я спрашиваю вас, Артузов, где вы жили? Кто жил напротив вас? — Буланов. — Разве он не находится в первой партии арестованных? А кто жил над вами, Артузов? — Островский. — И он ведь арестован. А кто, а кто жил под вами, Артузов? — Ягода! А теперь я вас спрашиваю, кто в наших условиях мог жить в одном доме с Ягодой, не пользуясь абсолютным доверием Ягоды?»

Эффект обвинительной речи Артузова уничтожен. Многие в собрании уже удивляются, зачем он собственно выступал. Блестяще говорил Слуцкий. Он хорошо усвоил приемы полицейской реторики Ежова. О, Слуцкий не заблуждается: он знает, что если его не арестовали в числе прочих начальников отделов ГПУ, то этим он обязан только характеру своей работы. Его работа в качестве начальника иностранного отдела ГПУ протекает заграницей, а не на территории СССР, а заграницей нельзя так быстро ликвидировать людей, как в Москве. Слуцкий знает, что ему теперь поручат работу по радикальной реорганизации заграничного аппарата по ежовским образцам. Пока он ее не выполнит, его оставят на месте. Но он надеется, что, выигрывая время, он выиграет жизнь. Кое в чем Слуцкий оказался прав. В феврале этого года советские газеты сообщили о «скоропостижной смерти» Слуцкого. Несомненно, Слуцкому было приказано покончить жизнь самоубийством. Но самый факт его полуторогодовой работы под начальством Ежова уберег его по крайней мере от клейма «врага народа». Ежову неудобно ошельмовать своего ответственного работника.

(Продолжение следует).

русского марксизма, Плеханова: «Кто хочет совместить политический и социалистический переворот в отсталой России, тот отдаляет наступление и того, и другого» Большевизм погубил демократию и не построил социализма. Погубив демократию, эту основу самодеятельности трудящихся, и нельзя было построить социализм. В результате неизбежного расхождения с классами, сделавшими революцию и вознесшими большевистскую партию к власти, партийная диктатура, ставши безнародной, выродилась в личное самовластие Сталина. Борьба Сталина за свое единодержавие в свою очередь фатально толкает его на путь контр-революции.

Свой пасквиль на революцию Вышинский закончил словами: «Могилы ненавистных изменников зарастут бурьяном и чертополохом, покрытые вечным презрением... всего советского народа... Мы, наш народ, будем попрежнему шагать по очищенной от последней нечисти и мерзости прошлого дороге, во главе с нашим любимым вождем и учителем, великим Сталиным, вперед и вперед, к коммунизму».

Итак, ленинская гвардия, эта «нечисть прошлого», вела страну к фашизму, к реставрации капитализма, к власти буржуазии, тогда как Сталин ведет народ к коммунизму. Такова прокурорская философия истории на потребу самодержца. Но весь обвинительный акт, как и «речь государственного обвинителя» под конец процесса, всем своим содержанием опровергает эту нищету философии. Ведь по Вышинскому, первый этап социальной революции — к социализму — уже пройден, но пройден, оказывается, усилиями тех, которые работали по директивам вражеских разведок всех стран «капиталистического окружения»! Второй этап — к коммунизму — очевидно должен быть пройден «новым набором революции» из «выдвиженцев», «беспартийных большевиков» и т. п. Но где же гарантия, что этот «новый набор революции», идущий на смену перебитых кадров большевизма и свободный от связи с Октябрем, от партийных традиций, от оглядки на прошлое, не окажется на поверку набором контр-революции? Где гарантия, что новая сталинская смена, призванная осуществить интегральный коммунизм, не окажется в будущем тоже разоблаченной, как агентура вражеских разведок?

Не к коммунизму, а к фашизму ведет генеральная сталинская расправа со всеми партиями, вложившимися в русскую революцию!

***

На очереди новые процессы все по тому же принципу амальгамы. Но что нового могут они принести, кроме новых гетакомб в подвалах Лубянки? Что можно еще придумать после чудовищных обвинений в шпионаже, диверсантстве, устройстве крушений на жел. дорогах и взрывов в шахтах, массовых отравлений рабочих и устройства падежа колхозного скота? После морального и физического уничтожения почти всех крупных фигур большевизма, процессы второстепенных персонажей из аппарата Коминтерна, профсоюзов, кооперации, отдельных наркоматов и т. п., как и процессы «недобитков» старых революционных партий, не могут уже иметь поворотного политического значения, — даже если на скамью подсудимых в свой черед будут посажены Ворошилов и Молотов, Каганович и Калинин, Ежов и Вышинский. Сталин воплощает сейчас в своем лице контр-революционное начало. Сталин не может остановиться, он обречен уничтожать всех зачинателей и деятелей революции, как и всех возможных своих соперников и противников подготовляемого им крутого поворота в духе «самотермидорства».

Возвещенная на процессе 21-го официальная установка на движение к коммунизму никого не должна вводить в заблуждение. Мифология, фразеология и бутафория коммунизма может еще долго прикрывать внутреннее перерождение и вырождение сталинской диктатуры, — пока из ее красного кокона не выпорхнет черная бабочка фашизма.

Сам ли Сталин осуществит эту метаморфозу, или выпестованная им преторианская смена сметет упирающегося и слишком уж запятнанного кровью и преступлениями диктатора ,об этом можно лишь гадать. Сейчас ясно лишь одно: Сталин шагает по трупам революционеров, Сталин хоронит революцию, Сталин открывает ворота фашизму, который найдет в России все элементы для своего самоутверждения: хозяйственный этатизм, государственное рабство трудящихся классов, аппарат террористической диктатуры, навыки идеологического «поравнения», огосударствление рабочих организаций, традицию партийной монополии, ложь плебисцитарной «демократии» и «мистику» ура-патриотизма.

Но это — завтра. Сегодня же — Сталин «общественный враг № 1». Тотальный террор, распространяющийся на обесправленные народные низы, на привилегированную бюрократию, на монопольную партию, порождает пассивную покорность у одних, решимость «убрать Сталина» у других. Но убрать Сталина можно и на бонапартистско-фашистский, и на демократический манер. Первый вариант — «дворцового переворота» — становится, по мере усиления тотального террора, все более вероятным: на что не решился Ягода, которому Вышинский приписал роль неудачливого «русского Фушэ», решится Ежов, не Ежов, так другой. В кровных интересах рабочего класса, как и всех трудящихся города и деревни, демократическая развязка, а не замена одной диктатуры другой, одного диктатора другим. Но такая развязка может придти не сверху, а только снизу. Развал и недовольство в стране растут — иначе не об'яснить обострения террора. Лишь решительная массовая борьба трудящихся города и деревни сегодня за устранение Сталина и за замену сталинского режима режимом свободы и народовластия сможет предотвратить или хотя бы ослабить опасность фашистской контр-революции завтра.

А. ЮГОВ.

Советское хозяйство и процесс 21-го

Если подойти к только что закончившемуся процессу с точки зрения экономической и попытаться ответить себе на вопрос: что нового выяснилось на процессе в области хозяйственной, то выводы не будут особенно значительными.

Основной побудительной силой для организации последнего процесса, его смыслом, его целью были задачи внутренней и внешней политики. Обвинения в области экономической на этот раз были отодвинуты на второй план, они, как бы стушевались перед основными инсценировками: шпионажем, предательством и убийством.

Но, однако, и в области экономической постановка была не без плана, не без целевого задания. И при формулировке обвинения и при выборе обвиняемых. Процессы шахтинцев, Пятакова должны были об'яснить причину неудачи первой пятилетки, по-

этому в центре всех обвинений тогда стояли вопросы индустриализации и на скамье подсудимых сидели те, кого можно было обвинить во вредительстве на заводах, фабриках и рудниках. Сейчас подводятся итоги второй пятилетки, той пятилетки, после осуществления которой, Сталин обещал «существенный под'ем благосостояния масс трудящихся города и деревни». Поэтому на этом процессе почти не фигурировали представители индустрии, а обвинению подвергались те, кто имели прямое или косвенное отношение к уровню благосостояния, к снабжению продуктами населения: представители финансов, сельского хозяйства, внешней и внутренней торговли, кооперации. Обвинение во вредительстве на этот раз было пред'явлено самым высшим руководителям хозяйства, самим наркомам.

Потому ли, что хозяйственные задачи имели на этом процессе вторичное значение, потому ли, что вся постановка на этот раз была небрежна, но в области экономической процесс не принес ничего сенсационного, не вскрыл никаких новых существенных обстоятельств и даже картину действительных противоречий и срывов в советской экономике дал тускло, неубедительно, голословно.

Трафаретно, без доказательств, без внутреннего убеждения обвинительный акт перечисляет «вредительские преступления обвиняемых». При этом в экономике, как и в политике, все обвинения пред'явлены вне хронологической последовательности, вне исторической перспективы. В один ряд поставлены разные экономические периоды, разные зигзаги экономической политики советской власти. Обвинять, с точки зрения современной политики ВКП, Рыкова за то, что он был в 1928 году против насильственной коллективизации, могут только те, кто сегодня посадили бы на скамью подсудимых Ленина за концессии германским капиталистам, Круппу и Вольфу в период Нэпа.

На процессе все факты слиты в один сплошной кошмар, сплетены в одну удушающую петлю.

Обвинения в области экономического вредительства сформулированы суммарно, в стиле газетной статьи.

Наркомзем Чернов обвинялся в том, что он «снижал урожайность», «портил хлебные запасы», «уничтожал лошадей и рогатый скот», «распространял эпизоотии».

Наркомвнешторг Розенгольц «оказывал экономическую помощь Германии и Японии», «наносил вредительской организацией внешней торговли экономический ущерб СССР».

Наркомфин Гринько «дезорганизовал финансирование хозяйства», «задерживал выплату зарплаты», «взимал незаконные налоги», «подрывал устойчивость советского рубля».

Руководитель сельской кооперации Зеленский «запутывал планирование товаров», «задерживал снабжение деревни», «портил продукты питания», «подбрасывал в них стекло и гвозди», «срывал обеспечение населения деревни продуктами первой необходимости».

И наконец Рыков, Бухарин и Ягода «поставили своей задачей парализовать всю хозяйственную жизнь страны».

Здесь очень важное отличие обвинений во вредительстве от обвинений политических. Прочтите внимательно вышеприведенные формулировки обвинения. В отличие от шпионажа, предательства и убийства, здесь подсудимые обвиняются в преступлениях, которые, хотя и не были совершены ими (вернее, не только ими), но несомненно совершались изо дня в день*), были решающими факторами хозяйственной жизни СССР за последние годы. ...Недостаток продуктов... порча хлеба, овощей... задержки в выплате зарплаты... незаконные налоги... лишение деревни промтоваров... Все ведь это было! Многое еще далеко не изжито и сейчас!

Казалось бы, если устроители процесса решились коснуться этих основных язв хозяйственной и бытовой жизни последних лет, то они озаботятся инсценировкой доказательств, свидетельствующих, что политика Сталина обеспечила снабжение населения, например, мануфактурой или маслом, а обвиняемые самовольно и преступно сгноили мануфактуру или вывезли масло в Германию.

О нет, сознание самовластия или презрение к общественному мнению Союза так велико, что для обоснования «вредительских преступлений» не приведено ни одного доказательства, ни одной ни прямой, ни косвенной улики.

Только самообвинения, которые послушно перечислили сами обвиняемые и на которых почти не останавливался прокурор.

В советской России люди боятся высказывать свои мнения даже ближайшим родным, но и в советской России люди не перестали мыслить, искать первопричину.

Неужели сколько-нибудь широкие массы поверят, что за неизбежные последствия раскулачивания и принудительной коллективизации — вымирание населения, гибель скота, — несет ответственность ничтожный Чернов, верный исполнитель сталинского плана коллективизации?

Месяцами вся советская печать была полна статьями о «гениальном плане контроля рублем», Сталин и Молотов подписали распоряжение о приостановке ассигновок предприятиям, вышедшим за пределы плана, а теперь в крахе бюрократического плана виноват сталинский ставленник Гринько.

Всего несколько месяцев назад Политбюро одобрило доклад Розенгольца о внешнеторговом плане и «Правда» писала гордые статьи о СССР, сумевшем изменить за несколько лет всю структуру внешней торговли, подчинив ее основным интересам строительства социализма, а теперь оказывается, что Сталин не знал, что Розенгольц вывозит в фашистские Германию, Италию и Японию марганец и нефтяные продукты, столь необходимые этим милитаристским странам.

Во весь период генеральной линии, да и сейчас еще, хотя и в меньших размерах, деревня бедствовала без промтоваров, а целые районы даже не имели в достаточном количестве продуктов питания.

Всякий знает, что мануфактуры, обуви, посуды, гвоздей, стекла, масла, сахара в стране производилось недостаточно, всякий знает, что население деревни этими продуктами снабжалось в нормах, во много раз меньших, чем население города, что таковы были планы, утверждаемые высшею властью страны.

А теперь оказывается, что деревня сидела без мануфактуры, без хлеба и масла, — которые раньше у нея же отняли, — потому что Зеленский путал, задерживал и портил...

Кто поверит?

Причина столь осязательна, связь явлений столь очевидна, что многие, очень многие поймут, что причина — в системе, в основах политики.

Но даже те, кто поверят, что обвинение правильно, что Чернов, Гринько, Зеленский и товарищи действительно совершили вредительские преступления: уничтожали продукты, травили скот, незаконно вымогали налоги, обрекали на голод население, должны же подумать о том, как это могло случиться, что годами преступники оставались безнаказанными, что лишь сейчас,

*) Мы, конечно, отбрасываем нелепое обвинение в подбрасывании, в сколько-нибудь массовых размерах, стекла и гвоздей в продукты питания.

в 1938 году, вопли населения дошли до кабинета властителя.

Если даже поверить в преступления Черновых и Зеленских, то должен встать вопрос: кто виноват?

Бывали позорные «панамы» в других странах, бывали случаи, когда к спекуляциям и растратам были причастны отдельные члены правительства.

Но никогда еще ни одна страна не знала такого страшного преступления, в таком об'еме, в котором годами, будто-бы соучаствовали почти весь состав правительства, руководители армии, президенты национальных республик, высшие местные власти и т. д.

Впрочем, и советская печать и прокурор настойчиво подчеркивают, что таких преступлений не знала еще ни одна страна.

Но мало зарегистрировать рекорд, надо дать ответ почему такие чудовищные преступления — а они ведь были независимо от личной вины отдельных обвиняемых — могли совершаться в стране, свершившей величайшую революцию, в стране, где, будто-бы, победоносно строится социализм?

Кто доверил этим людям управление хозяйством? Кто давал этим людям директивы, кто определял их политику? Кто контролировал их все эти годы? Кто был слеп и глух к разоблачению их преступлений? Кто оставлял их безнаказанными?

Как это могло случиться? Можно-ли дальше терпеть такой режим? Ведь в подобных чудовищных обстоятельствах даже религиозные фанатики не могли бы считать непогрешимым и неответственным самого Господа Бога!

По идеи творцов советской системы, она должна в максимальной мере обеспечивать ответственность властей и народных представителей.

Этот процесс, в дополнение к прошлым, ярко показывает, во что выродилась советская система.

Кто поверит, что Сталин, имеющий повсюду щупальцы в виде миллионов членов партии, окруженный телефонами и прямыми проводами, до 1938 года не знал о бедствиях населения. Наш журнал, издающийся за границей, лишенный живых и постоянных связей с рабочими массами, получающий информацию из России лишь благодаря героическим усилиям наших корреспондентов, писал однако своевременно и о трупах раскулаченных, и о голоде целых районов, и о дезорганизации финансового хозяйства и даже о снабжении Германии советским марганцем.

Как ни подойти к процессу, под каким углом ни рассматривать развернутую им картину распада и преступлений, вся ответственность лежит в полной мере на том, кто возглавляет советскую диктатуру, кто определяет ее политику, на Сталине.

***

Только что окончившийся процесс еще больше углубил ту разруху, ту дезорганизацию, которые охватили советское хозяйство со времени процесса Пятакова.

Для каждого большого или малого хозяйственника стало ясно, что «ответственность стрелочника» за все провалы и зигзаги хозяйственной политики стала в СССР системой. При этом процессы показали, что отвечают не только те, кто по своим знаниям и профессиональному опыту не могли согласиться с некоторыми мерами или темпами развития, кто был оппозиционным тому или иному предписанному Сталиным мероприятию, но отдаются на «поток и разграбление» даже те, кто это мероприятие поддерживал, если головотяпство партии окончилось крахом и за него надо найти повинного.

При таких условиях все стараются озбегать ответственных решений и еще более ответственных действий. Инициативная творческая деятельность и даже простая человеческая активность подавлены.

В результате процессов, партийных и советских чисток с работы сейчас сняты почти все крупные хозяйственники, получившие за годы индустриализации коекакой хозяйственный опыт. Они заменены неопытной молодежью, которая во имя «выдвижения» решается взять на себя ответственность за управление крупнейшими предприятиями, и опыт и уменье заменяет курсом на директивы высшего начальства.

Конечно, было бы ошибочно предполагать, что дезорганизация зашла так далеко, что домны не выплавляют стали или заводы не делают машин и моторов. Ежедневная, текущая работа на заводах и рудниках продолжает осуществляться. Но, во-первых, значительно снизились темпы роста продукции. И в топливной, и в металлургической и в машиностроительной индустрии.

Но совершенно сорваны качественные успехи, которые начали было намечаться в 1935 и в 1936 годах. Вновь стала возрастать себестоимость, вновь ухудшилось качество продукции, вновь снизилась производительность труда.

Но, самое главное, дезорганизовано общее руководство, скомпрометировано основное направление хозяйственной политики почти во всех отраслях. Вновь несогласованы производство и транспорт, металл и топливо, снабжение полуфабрикатами и прочее. Культура советской индустрии вновь отброшена назад...

А между тем, и потребности населения и нужды обороны страны требуют точной и интенсивной работы хозяйства.

Отсутствие ясной линии, растерянность руководителей явно сказались и в сельском хозяйстве. Большие преимущества, которые получило сельское хозяйство благодаря большему урожаю прошлого года оказались недостаточно использованы. Руководители колхозов и МТС не знают до сих пор, какой курс будет взят центральной властью. На зерновое хозяйство? На увеличение клина технических культур? На паротравяное хозяйство? Напуганные люди ждут распоряжений и для того, чтобы подымать ранние пары («не вредительство ли!»), и для того, чтобы ремонтировать инвентарь, и для того, чтобы выработать план севооборота...

Задача изучения конкретной советской экономики сейчас как никогда трудна. Ибо там, где по приказу диктатора фальсифицируются социология, история, психология, юстиция, какое может быть доверие к отчетным данным советской статистики!

Нужно будет впредь каждую цифру подвергать экспертизе, выяснять степень ее нейтральности или коэффициэнт ее искажения и только после этой работы считаться с нею при экономических или социальных выводах.

Как и вся страна советское хозяйство сейчас на распутьи.

Только активностью трудящихся масс русская революция может быть спасена от гибели, которую несет ей переродившаяся диктатура.

Пробудится ли эта самодеятельность масс своевременно? Найдет ли она пути для своего выявления?

ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ

Междуна одные отклики на процесс

ФРАНЦУЗСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ.

В заседании от 2 марта Постоянная Административная Комиссия Социалистической Партии приняла единогласно следующую резолюцию:

Как и во время предыдущих московских процессов, П.А.К. считает нужным поблагодарить директора и редакцию «Попюлэр» за позицию, занятую ими по отношению к идущему ныне процессу.

Она одобряет телеграмму, посланную Бюро Рабочего Социалистического Интернационала, по соглашению с Международною Федерациею Профессиональных Союзов, советскому правительству.

Она выражает пожелание, чтобы подсудимым были гарантированы все возможности защиты, и чтобы не было смертных приговоров.

МИТИНГ ПАРИЖСКИХ БУНДИСТОВ.

Союз еврейских социалистов (бундистов) в Париже, так наз. Медем-Фербанд, устроил 17 марта митинг протеста против Московского процесса, прошедший с большим успехом. Тов. Дан, вместе с М. Пац и др. приглашенный к участию в митинге, вынужден был по болезни отказаться от выступления, но обратился к собранию с обширным посланием. От секретаря Медем-Фербанда тов. Дан получил следующее письмо:

«Спешим выразить Вам самую горячую благодарность за послание, с которым Вы обратились к нашему последнему митингу.

«С удовольствием выполняем поручение, единогласно данное нам митингом (600 посетителей), а именно: заверить Вас в его полной солидарности перед лицом гнусной клеветы, брошенной в Вас на последнем Московском процессе, передать Вам его самый сердечный привет и пожелания скорого выздоровления и долгих лет работы на службе делу освобождения рабочего класса».

ПИСЬМО Ф. ДАНА.

В № 250 «Нейер Форвертс», органе германской социалдемократии, помещено следующее письмо Ф. Дана:

В пражской «Фольксцейтунг» от 27 марта Франц Далем повторяет ту гнусную клевету, которую сталинские гестаписты заставили бросить в меня одну из своих несчастных жертв, сталинского экс-наркома земледелия Чернова. Редакция «Фольксцейтунг», со своей стороны, пользуется статьею Далема, чтобы поставить «Форвертсу» ряд вопросов, в связи с моею «анти-большевистскою заговорщическою деятельностью» и моими интервенционистскими конспирациями с Гитлером.

Разумеется, я не окажу сталинским лакеям той чести, которой не оказал и их хозяину, и не буду «защищаться» против гнусной клеветы. Я ограничиваюсь повторным констатированием, что никогда в своей жизни не видал означенного Чернова.

Что же касается моей интервенционистской и заговорщической деятельности, то, — раз уж меня зачислили в руководители «внешней политики» партейфорштанда и в ваши «анти-большевистские эксперты» (а наивные французы все еще думают, что «смешное убивает»!), — скажу по этому поводу несколько слов, а именно:

1. Мне принадлежит почин пропаганды тех идей, которые ставят в **центр** пролетарской военной политики непримиримую вражду к мировому фашизму вообще и гитлеровскому фашизму в особенности и защиту Советского Союза и которые были изложены впервые в моих статьях в «Кампф», затем в тезисах, написанных мною совместно с Отто Бауэром и Жиромским, и наконец в тезисах Заграничной Делегации нашей партии;

2. Если наша партия всегда высказывалась против насильственного низвержения советской власти, то за последние два года в **центре** всей моей публицистической работы стоит идея, что нам, социалдемократам, не приходится ничего ждать от военных заговоров и дворцовых революций, а потому и от борьбы внутри «верхних десяти тысяч» советского общества, и что все надежды свои на **демократическое** преодоление сталинского единодержавия мы можем возлагать лишь на свободную, систематическую и организованную самодеятельность рабочего класса на легальной почве новой конституции.

Кто всего этого не знает, тому лучше было бы воздержаться от писания о том, чего он не знает, чтобы не быть зачисленным в политические невежды или дураки. Тот же, кто это знает и все-же пишет о моем «интервенционизме» и «заговорщичестве», тот сам выдает себе свидетельство в политическом негодяйстве. Выбор между этими двумя возможностями я предоставляю, разумеется, господину Далему и редакции «Фольксцейтунг».

Ф. Дан.

В РАБОЧЕМ ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

В РАБОЧЕМ ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ.

15 и 16 марта 1938 года в Париже под председательством В. Ситрина и Л. Де-Брукэра состоялась совместная **конференция РСИ и МФПС.**

Двенадцать центральных советов Профсоюзов, 14 Международных Профсекретариатов и 20 социалистических партий, примыкающих к РСИ, были представлены на этой конференции 120 делегатами.

Заседание было посвящено обсуждению международного положения под углом зрения последних событий и возможных перспектив.

После двухдневного детального обсуждения была **единогласно** принята резолюция о **положении в Европе и о задачах рабочего класса** (резолюция эта печатается отдельно). Две делегации (Австрия и Бунд в Польше) воздержались от голосования.

Резолюция о трагическом положении рабочего класса **Австрии** была принята **единогласно.**

Проблемы, связанные с нападением **Японии на Китай,** переданы на обсуждение обоих Исполкомов.

По окончании совместной конференции состоялось особое заседание **Исполкома РСИ.** Оно единогласно приняло, помещенную в прошлом номере «С. В.», резолюцию о **московском процессе.**

Срок ближайшего заседания Исполкома будет установлен Бюро РСИ.

***

На конференции с МФПС РСИ был представлен следующими делегатами: два делегата от Австрии; Гампарцумян (Армения), Макс Бюзэ, Эмиль Вандервельде (Бельгия), Даллас, Гиллис, Гренфел, Ноэль-Беккер, Уоккер (Великобритания), Пауль Герц, Р. Гильфердинг, Ганс Фогель (Германия), Альбарда, Форринк (Голландия), Гвараджаладзе (Грузия), Гедтефт-Ганзен (Дания), Мануэль Кордеро, Р. Лямонеда, Гонзалес Пенья (Испания), Фарравелли, Модильяни, Ненни (Италия), Ф. Целенс (Латвия), А. Гуммер (Люксембург), Либерман (Польша — ППС), Г. Эрлих, Ф. Курский (Польша — Бунд), Р. Абрамович, Ф. Дан (Россия — с.-д.), Сухомлин (Россия — с.-р.), Грумбах, Лонге, Марсо Пивер, Жиромский (Франция), два делегата от Чехословакии (чехи), один делегат от Чехословакии (немец), П. Грабер (Швейцария), Акерберг, Аллен, Фогт (Швеция), Луи де-Брукэр — председатель РСИ, Фр. Адлер — секретарь РСИ, Ван-Розбрук — кассир РСИ, Изабелла Блюм, Сюзан Бюиссон, Марта Луи-Леви, Алиса Пельс (Международный Женский Комитет).

В **Бюро и Исполком РСИ** наша партия была представлена тов. Абрамовичем.

КОНФЕРЕНЦИЯ О МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ.

1. Ситуация в Европе.

События последних дней должны были рассеять последние иллюзии. Они бросили яркий свет на планы фашистских правительств и показали, с какой молниеносной быстротой Гитлер и Муссолини умеют осуществлять свои замыслы.

Австрия оккупирована и аннектирована и от диктатуры Шушнига переходит к еще гораздо более брутальной диктатуре Гитлера. Испания стала жертвой двойного нападения, которое не пытаются уже даже больше скрывать; ее героические защитники вынуждены, несмотря на все свое мужество, отступать, подавляемые тем огромным военным материалом, которым противная сторона совершенно свободно располагает, между тем как республиканским армиям мир не дал возможности запастись материалом. Армии фашизма закрепились прочно на Дунае, под Пиренеями, в Африке, на Балеарах, **непосредственно** угрожая Чехословакии, но на самом деле являясь опасностью для **всех** государств, в особенности для Франции. Вся Европа стоит под угрозой попасть под ярмо фашизма, который обречет ее на нищету и раб-

ство. Вот ситуация, которая создалась в результате ряда лет ошибок и страха.

В эту трагическую минуту оба Интернационала не могут ограничиться тем, что они снова **формулируют принципы,** которыми они всегда руководились в своей деятельности и которые так блестяще были подтверждены событиями: они призывают свои организации к **действию:**

1. Они призывают организации пустить в ход все имеющиеся в их распоряжении меры вплоть до самых энергичных, чтобы добиться прекращения политики **«невмешательства», которая проводилась в противоречии с международным** правом, и трагические последствия которой слишком очевидны. Они призывают все свои секции действовать в том духе, чтобы Испании, в ее борьбе против фашистской агрессии, была оказана немедленная и действительная помощь. Организации должны быть готовы поддержать французское и британское правительства во всех мерах морального, политического, финансового, экономического или военного характера, которые могут оказаться необходимыми для того, чтобы положить конец германской и итальянской агрессии, — причем в осуществлении этих мер должны сотрудничать по мере своих сил все страны, как большие, так и малые.

2. Интернационалы призывают все свои секции усилить акцию рабочей солидарности с испанскими товарищами для того, чтобы поднять ее на ту высоту, какая диктуется современными обстоятельствами. Надо требовать наложения эмбарго государством и бойкота со стороны потребителей по отношению ко всем товарам, которые предназначаются для занятой Франко территории или же происходят оттуда.

3. Оба Интернационала и все примыкающие к ним организации немедленно предпримут все зависящие от них меры для того, чтобы экономическая и политическая независимость Чехословакии была эффективно гарантирована точными и определенными обязательствами, и прежде всего обязательствами Великобритании и Франции.

Они будут действовать в то же время и в том направлении, чтобы страны Европы, решившиеся защищать действенно свою свободу методом коллективной безопасности, обязались взаимно и немедленно, путем свободного договора, заключенного на равных правах и на основе пакта Лиги Наций без различения великих и малых стран, оказывать друг другу в случае агрессии содействие при помощи всех имеющихся в их распоряжении средств, включая и средства военного характера.

Только энергичной и быстрой акцией за мир и за сохранение самой независимости народов, демократические страны Европы могут вызвать действенный интерес со стороны Америки, — что в данной обстановке является в высокой степени желательным.

Оба Интернационала полагают, что еще и в данный последний час мировой войны можно избежать, если все пролетарские и демократические силы возьмутся за дело без замедления и с необходимой силой. Они обращают внимание рабочих всего мира на чрезвычайную серьезность положения и призывают их сделать величайшее напряжение для защиты мира.

2. После аншлусса.

В этот час мы выражаем свое глубочайшее сочувствие и свою полную солидарность с рабочим классом Австрии, который после 4-х лет беспрерывного подавления и наихудших преследований со стороны клерикального фашизма Дольфуса и Шушнига отдан в жертву насилию и жестокости еще гораздо более брутальной диктатуры Гитлера.

Уже поступают сведения о варварских мероприятиях Гестапо, направленных не только против молодых и мужественных социалистических пролетариев или против членов свободных профсоюзов, которые с такой последовательностью и с таким успехом вели борьбу против диктатуры клерико-фашизма, но также против бывших социалистических парламентариев и профсоюзных вождей, которых диктатура Дольфуса еще 4 года тому назад лишила всякой возможности действия.

Все акты варварства, совершенные в 1933 году против доверенных лиц рабочего класса Германии, сейчас повторяются в Австрии.

Наряду с теми большими политическими задачами, которые диктуются необходимостью борьбы против наступления фашизма, социалистические рабочие всего мира выполнят и свой долг интернациональной солидарности помощи жертвам фашизма в Австрии.

ЗАГРАНИЦЕЙ

СТАЛИНСКО-ЕЖОВСКИЕ МОЛОДЦЫ В ИСПАНИИ.

Нам неоднократно приходилось уже указывать на роковую роль этих молодцов (в частности, в связи с похищением тов. Марка Рейна), совершенно подчинивших себе испанскую коммунистическую партию, сильную не своим собственным идейным оружием, а тем материальным оружием, которое советское правительство дало испанской республике в начальный период гражданской войны. Если верить Информационному Бюллетеню испанских Национальной Конфедерации Труда и Иберийской Федерации Анархистов (№ 31 от 8 марта), превращение в сталинскую агентуру отозвалось роковым образом на судьбах испанской КП, влияние которой теперь катастрофически падает. Но зло, которое сталинско-ежовские молодцы при ее посредстве и при ее содействии натворили, частью уже непоправимо, частью будет еще долго давать себя знать.

Чтобы дать представление о гибельной работе сталинско-ежовских чекистов в Испании, мы даем здесь (в переводе из Франко-Британского Информационного Бюллетеня, № 30 от 26 марта) написанное в спокойных и достойных, но потому и особенно убедительных тонах письмо трех заключенных (среди которых имеется французский гражданин и член французской социалистической партии, но в то же время отпрыск знаменитой в свое время русской революционной семьи, т. Николай **Зунделевич)** министру юстиции, Генеральному прокурору республики и председателю Особого Трибунала по делам о государственной измене и шпионству. Вот текст этого письма:

Хаиме Рос Печ, генеральный секретарь Института Морэна, Лоренцо Вила Папреза, член Барселонского комитета ПОУМ, и Николай Зунделевич, член французской социалистической партии, от своего имени и от имени всех анти-фашистов, арестованных и заключенных в барселонской Образцовой Тюрьме по почетному обвинению в принадлежности или в симпатиях к Рабочей Партии Марксистского Объединения (ПОУМ), обращаются к вам с выражением самого энергичного протеста против поведения одного из судей, беззастенчиво позорящего и проституирующего юстицию, ставя ее на службу полиции и определенным партиям, и пытающегося опорочить безупречное поведение кое-каких издавна известных революционеров.

Большая часть из нас была арестована во второй половине июня. С тех пор нам пришлось пройти поистине крестный путь гнусности и произвола. В течение долгих месяцев мы находились в руках полиции и бесконтрольных Чека, в течение месяцев нас держали в абсолютно секретном заключении. Чудовищные полицейские протоколы вымогались побоями, угрозами и убедительным аргументом заряженных револьверов. Не будем больше говорить об этом. Достаточно сказать, что в результате этих полицейских истязаний в Главном Госпитале умер, оклеветанный и окруженный вооруженными штурмовиками, наш незабвенный товарищ Мануэль Морэн, брат депутата кортесов Иоакима Морэна, заключенного в тюрьму на территории Франко с первых-же дней повстанческого движения.

Наше заключение было столь произвольным и чудовищным, что приказ о нашем освобождении был отдан тотчас-же, лишь только мы перешли в ведение обычных судов, — не по доброй воле полиции, а в силу нашего требования и на основании законов республики. Но этот приказ шел наперекор планам полиции и партий, хотевших убить нас политически. По приказу главного начальника полиции, г. Бурильо, мы были снова задержаны, и тут имел место постыдный случай, единственный в своем роде в анналах испанской юстиции: шныряние полиции по всей территории в поисках судьи, достаточно покладистого и беззастенчивого, чтобы отдать приказ о привлечении нас в качестве обвиняемых, — поистине апогей позора! Таким-то образом с нарушением всех законов нас передали сначала в ведение Мадридского Особого Трибунала, существовавшего лишь в разгоряченном воображении г. Бурильо, а затем в ведение Валенцского Трибунала № 5.

Через 8 месяцев после нашего задержания и 5 месяцев спустя после передачи нас в ведение Трибунала № 5 (между тем как закон требует самого скорого разбирательства) явился для нашего допроса и составления обвинительного акта господин, называющий себя судьей и именующийся Мигуэль Мора Реквехо.

Постыдный образ действий этого судьи вынуждает нас заявить вам наш протест. Г Мора действует с таким произволом, что приходится считать этого судью завзятым полицейским или же агентом на службе тех партий, о которых мы упомянули выше. Этот судья, несомненно, получил формальный приказ выдвинуть против нас обвинения, чтобы иметь

возможность держать нас попрежнему в тюрьме. И так как для этого нет ни обвинений, выдерживающих критику, ни законных оснований, то приходится их изобретать.

Наши допросы не только не имели юридического и сколько-нибудь беспристрастного характера, но напоминали какие-то журналистские и полицейские интервью. Вопросы, которые нам ставили, поражали абсолютной нелепостью и зачастую были по-просту смехотворны. Например, нашего товарища Зунделевича спрашивали, почему он ушел из русско йармии в 1922 году, что делал он в этом году проездом в Берлине и почему он во французской социалистической партии примыкает в настоящее время к течению Марсо Пивера. Наконец, его обвиняли в том, что он подготовлял в Испании самые фантастические террористические покушения — вроде убийства Сталина!

Описывая эти чудовищные нелепости, мы краснеем от стыда при мысли о том унижении и проституировании, до которого доводят юстицию такие суб'екты. Незачем прибавлять, что и допросы всех других обвиняемых велись в таком же стиле.

Одни из нас состоят членами ПОУМ'а, другие — сочувствующими ему. До нашего ареста в июне 1937 года нас поливали грязью и клеветали на нас партии, оказавшие испанской контр-революции неоценимые услуги, хорошо известные трудящимся массам. Позже, после нашего ареста, нам пришлось констатировать, что полиция состоит на службе у этих партий. Теперь. наконец, и республиканская юстиция собирается как будто идти по этому пути.

Мы никогда не уклонялись от суда. Мы могли бы сказать, что на деле нашу линию политического и личного поведения уже судили и по достоинству оценили народные массы. Но мы ждем и суда Трибуналов. Мы терпеливо ждали его 8 месяцев. Мы слишком горды своими политическими убеждениями, чтобы как-нибудь уклоняться от ответственности за них. Но мы отнюдь не намерены играть роль статистов в подготовляемой комедии.

Вот почему мы протестуем против образа действий г. Мора Реквехо и обращаемся к вам. Мы отказываемся давать кому бы то ни было из судей политические интервью. Мы не расположены ни терпеть унижения от наших политических противников, ни покрывать молчанием готовящуюся комедию. Быть допрошенным легальными Трибуналами — да, мы всегда соглашались на это; но подвергаться допросам коммунистической партии — ни в коем случае!

Делая это заявление, мы просим вас принять во внимание этот наш протест и, если пожелают вести наше дело и дальше по тому пути, по которому оно шло до сих пор, разрешить присутствовать при допросах представителю прокурора республики и нашему защитнику.

Примите наш привет от имени всех наших товарищей.

Дом Предварительного Заключения в Барселоне, 10 февраля 1938 г.

Следуют подписи.

***

Опубликование этого письма, целиком направленного не против правительства испанской республики, а против испанских «сталинцев» и их советского «хозяина», разумеется, может только помочь испанской республике освободиться от позорящих и ослабляющих ее преступлений сталинско-ежовских молодцов.

ИЗ ПАРТИИ

Борис МЕР

15-го марта в Стокгольме скоропостижно скончался в возрасте 60 с лишком лет старый член РСДРП и шведской социал-демократии тов. Б. А. Мер.

Покойный родился в городе Двинске. По окончании ремесленного училища работал на спичечной фабрике и на лесопильном заводе и там примкнул к рабочему движению Бунда. Отбывая воинскую повинность на Кавказе, Мер, тогда уже убежденный и активный социалист, стал вести революционную пропаганду среди солдат. Арестованный вскоре, он отсидел 7 месяцев в Александропольской тюрьме, но успел скрыться до суда, который должен был состояться в Тифлисе. Через Кенигсберг, где ему оказал активную помощь покойный вождь герм. с.-д. Гуго Гаазе, Мер пробрался в Стокгольм, где примкнул к русской социалдемократической группе, секретарем которой и состоял до 1917 года. Одновременно Мер научился по-шведски и принял активное участие в работе шведского социал-демократического союза молодежи. Оттуда Мер перешел на работу в партию, стал шведским гражданином, и скоро занял в партии видное место. Так деятельность Мера за все эти годы до самой его смерти шла по этим двум руслам: шведскому и русскому. В 1917 г. Мер был одним из самых видных членов стокгольмского эмиграционного комитета, через руки которого прошел в революционную Россию огромный поток возвращавшихся на родину русских революционных эмигрантов. Вместе с тем Мер не забывал и еврейского рабочего движения, в котором он начал свою революционную карьеру: он живо интересовался еврейскими проблемами и участвовал в целом ряде еврейских культурных и общественных организаций.

Для нашей партии тов. Мер был всегда преданным другом и единомышленником, который во все трудные минуты нашей истории активно и самоотверженно помогал партии в ее деятельности или борьбе. Для многих из нас он был и личным другом.

***

Похороны тов. Мера состоялись в четверг 17-го марта на еврейском кладбище в Стокгольме в присутствии большого количества друзей и партийных товарищей, явившихся отдать усопшему последний долг. Почетный караул у гроба несли со своими знаменами представители стокгольмской центр. с.-д. организации, Окружного С.-Д. Союза Молодежи и делегаты целого ряда других рабочих и общественных организаций. Речи на могиле произнесли главный редактор «Социал-Демократена» тов. Хеглунд, секретарь Центральной с.-д. организации Экк, Председатель Союза Молодежи Эве Иоганнесон; кроме того — Фридрих Штрем — от редакции ЦК, П. Ольберг от имени ЗД РСДРП, представитель латвийских с.-д., и ряд других ораторов. На могилу были возложены многочисленные венки, в том числе от шведской с.-д. партии, от ЗД РСДРП, от еврейского драматического кружка, от тт. Энгберга, Брантинга, Хегунда, Штрема, Лили Арениус, Нильса Байера, Карла Нильсона и многих других.

Р. А.

ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Bulletin du Bureau de Presse Ukrainien, N° 30.
I. P. I. Informations Pédagogiques Internationales. N° 2. London-Paris-Prag.
Der Kampf, N° 3.
Que faire? N° 39.
La Révolution Prolétarienne, N° 265, 266, 267.
Proletarian Outlook, N° 1, 3. New York.
Delnicko Osveta, N° 1, Prague.
Nouveaux Cahiers, N° 20, 21.
Deutschland-Berichte der S.P.D., N° 1.
Information de Palestine, N° 45-47, 48.
Informa Bulteno, N° 14, 16 (58).
Бюллетень Экон. Кабинета проф. С. Н. Прокоповича. № 139.
Independent News, N° 26/27, 30.
Mai 36. Bulletin d'Informations, N° 12, 13.
Socialist Review, Vol. 6, N° 5. March-April 1938.
Neuer Weg, N° 2, 3.
Информационный Бюллетень НКТ и ИФА. № 30.
Бюллетень оппозиции, № 64.
Знамя России, № 2-3 (102-103).
Новая Россия, № 42-43.

Le Gérant : **Paul Colliette**

Imp. Union, 13, rue Méchain, Paris.